

Невольничий рынок Перекрёстка шумел и бурлил как любой другой рынок. Зазывали орали, покупатели торговались с продавцами, рабы покорно переходили из рук в руки (или лапы, или щупальца, у кого что). Здесь можно было найти и купить (или продать) кого угодно - от людей и эльфов до негуманоидов и всяких полуразумных, зато хорошо выдрессированных тварей.

Скучающий взгляд пассажира паланкина задержался на группе необычных разноцветных существ, сгрудившихся в центре одной из клеток. Едва заметное движение пальца - и один из слуг молчаливой тенью метнулся к продавцу. Через минуту он вернулся с докладом:

- Мой господин, этих существ захватили недавно, в одном из плоских миров. Их самоназвание...

- А, эти... - разочарованно протянул хозяин, не дослушав и потеряв всякий интерес к несчастным созданиям. Но тут взгляд серо-стальных глаз человека встретился с пронзительно-голубыми глазами пони. Та вздрогнула, но не потупилась и не моргнула.

- Надо же, - с долей удивления отозвался человек, - Знаешь, это может быть интересно. Купи этого... Или эту? Неважно.

Горсть монет приятно звякнула, переходя из рук в руки, оформление бумаг заняло немного времени, а ошейник и поводок стали бесплатным дополнением. Единственная заминка - пони отказалась покидать остальных и выходить из клетки. Продавец посуровел лицом и снял с пояса хлыст, мигом превратившись из добродушного толстяка-торговца в безжалостного палача. Но хлыст остался без дела, пони уже хорошо усвоили предыдущие уроки. Они разбежались в стороны и стала ясна причина заминки - к купленной пони прижимался испуганный жеребёнок.

- Это становится всё забавнее, - прокомментировал происходящее новый владелец, слегка улыбаясь. Не секунду задумавшись, он кивнул слуге и торг возобновился с новой силой.

Через несколько минут процессия двинулась дальше, только теперь следом за паланкином бежала на поводке пони. Жеребёнка привязывать не стали - куда он денется от матери?

По прибытии в поместье двух новоприобретённых рабынь вымыли, накормили, осмотрели и расспросили. Пони оказались единорогами, что несколько увеличивало ценность приобретения. К тому же, это оказались не мать с дочкой, а две сестры. До вечера их оставили в покое.

После ужина пони привели к хозяину. Тот возлежал на подушках, потягивая вино из серебряного кубка. Рядом на коленях с кувшином вина в руках стояла обнажённая человеческая девушка, совсем юная. Весь её наряд составляли тяжёлые пряди смоляных волос до пояса, стальной ошейник и тонкая цепочка, застёгнутая вокруг ножки кровати. Не как средство от побега, нет - всего лишь напоминание о её статусе.

Хозяин с любопытством решил расспросить старшую пони о её прошлой жизни, и пригласил их присесть. Девушка немедленно налила им вина в возникшие как по волшебству кубки. Рэрити с неловкостью отвела взгляд, когда перед ней качнулись груди рабыни. Она уже успела усвоить некоторые человеческие нормы поведения. Да и повидать

успела немало за время пребывания у торговца. В её памяти невольно возник эпизод, когда заартачившуюся остроухую рабыню бросили в клетку к рабам-мужчинам "на перевоспитание", как выразился их бывший хозяин. Крики бедняжки затихли через час, но изголодавшиеся по женскому телу рабы насильовали эльфийку целые сутки. На следующий день её вытащили оттуда, окатили ледяной водой, приводя в чувство, и вернули к остальным рабыням. Нет, физически она была почти в полном порядке, но вот глаза...

Рэрити не могла забыть этот остановившийся взгляд, наполняющийся ужасом при взгляде на любого мужчину. И пони были единственными, кто попытался помочь ей после этого, остальные сторонились опальной рабыни. Через несколько дней эльфийку купил жутковатый тип в сером балахоне до пят. Рэрити хорошо запомнила лишь леденящее кровь шипение да когтистую чешуйчатую лапу, держащую цепь эльфийки.

Неугомонная Свити развлекала присутствующих песнями - вино, хоть и сильно разбавленное водой, ударило ей в голову. Хозяин заливисто хохотал, наблюдая за выкрутасами прыгающего по подушкам жеребёнка, и даже рабыня украдкой улыбалась, косясь в ту сторону. Момент, кажется, был подходящим...

- Господин, - Рэрити с трудом подбирала слова на незнакомом языке, - Смею ли я просить?

- О чём? - хозяин покачивал кубок, держа его за ножку и отхлёбывая маленькими глотками.

- Мои друзья, они остались в неволе. Можете вы их спасти? - Рэрити почувствовала, как грубо составлена фраза и потупилась. Но человек, от которого сейчас зависела их дальнейшая судьба, казалось, не обратил на это внимания. Он задумчиво поднял взгляд к потолку и потёр подбородок.

- Пожалуй, да. Определённо, это будет интересно и даже забавно. Сколько вас?

- Ещё пять кобылок и два жеребёнка.

- Все женского пола?

- Да. Это важно?

- Тц-тц-тц, любопытная пони. Есть надежда, что их не продали на рудники как тягловую силу.

- Ох!

- Это ещё не всё, маленькая пони. В нашем мире за всё, абсолютно за всё надо платить.

Видишь её? - хозяин дёрнул рабыню за цепочку, та не удержала равновесие и упала набок. Не успела она опомниться, как её волосы оказались грубо намотаны на кулак. Но вышколенная рабыня не издала ни звука.

- Она платит за относительно комфортное и безопасное существование тем, что полностью, душой и телом принадлежит мне. А что можешь предложить мне ты, маленькая пони? Телом твоим я и так владею, а словам о верности не поверю.

Рэрити сглотнула и произнесла:

- Мы можем предложить вам дружбу!

Но эффект от этих слов оказался совсем не таким, как она рассчитывала. Человек

оттолкнул рабыню, поспешно отползшую в сторону, и расхохотался.

- Дружбу? После всего произошедшего? - оборвав смех, он пристально посмотрел на Рэрити и приказал, - Иди сюда. Ты смела и экзотична, и ты мне нравишься. Если понравишься во всём остальном, то я подумаю над твоим предложением.

Рэрити вздрогнула, когда рука хозяина внезапно задрала ей хвост, а потом айкнула - пальцы другой руки принялись исследовать вход в её "пещерку наслаждений".

Убедившись, что пони вполне подходит по размерам, человек распахнул тогу и Рэрити почти у самого носа увидела покачивающийся, уже слегка воспрявший член.

- Пожалуйста, уведите сестрёнку, - попросила она, глядя на хозяина снизу вверх. Но тот покачал головой, улыбаясь:

- Пускай смотрит. И если я останусь недоволен, то попробую и её. Ты! - кивнул он рабыне,

- Держи малявку так, чтобы она хорошо всё видела. И поиграй с ней, подготовь.

Рэрити вздрогнула. К тому, что ей придётся участвовать в чём-то таком, она была морально готова, тем более за время, проведённое на рынке, успела насмотреться всякого, и мысль о совокуплении с кем-то другого вида уже не вызывала отвращения. Но то, что это увидит Свити... Или даже... Нет! Этого нельзя допустить!

С этими мыслями Рэрити открыла ротик и приготовилась сделать лучший минет в своей жизни. Не то чтобы у неё была богатая практика, но сожалеть было поздно.

И в этот момент раздался грохот и первые крики.

Катастрофа! Что случилось было непонятно, но сердце принцессы Селестии чувствовало, что это была катастрофа! И, хотя Твайлайт уже несколько раз делала этот трюк с полным переносом себя и своих подруг из гостиной понивилльской библиотеки в приемный зал кэнтерлотского замка, сейчас у нее не получилось! Казалось бы, такой отработанный и безопасный способ с устойчивыми маяками не мог не стать прорывом в магии телепортации и Твайлайт уже готова была приступить к созданию артефактного аналога заклинания в виде стационарного устройства, требующего лишь магической подпитки и указания места назначения. Но сейчас что-то вмешалось. Что-то на мгновение закрыло незримый, но яркий астральный маяк, установленный Селестией в приемном зале и все девять пони канули в никуда!

Сказать, что Её Высочество была в ужасе, значило сказать очень мало. Она вылетела из окна зала, так и оставшегося пустым и, облетев замок, приземлилась на балконе покоев Повелительницы Ночи, только что поднявшей свое светило, невидимое сейчас на убранном снеговыми тучами небом, но подсвечивающее их и делающей эту зимнюю ночь светлее обычного. Появление сестры почти испугало её, а когда она заглянула в её глаза, Луна на секунду не могла решить, обороняться ей или пытаться обнять сестру.

— Ч-что случилось? — выдавила она.

— **ОНИ ПРОПАЛИ!** — Селестия, потеряв контроль над собой, перешла на давно забытый королевский кэнтерлотский голос.

Спустя минуту, обе сестры стояли друг напротив друга в зале, где должны были появиться исчезнувшие пони, их глаза были закрыты, а рога и даже их тела светились яркой аурой.

Если бы кто-то сейчас обошел заклятие, экстренно опечатавшее этот зал, как бы он ни был сведущ в магии, то не понял бы, что в нем происходит, потому что свершаемое было за пределами возможностей любого мага и лежало в области божественной силы.

Разумы божественных сестер сейчас, буквально по тикку, отматывали Вселенную назад, пытаясь докопаться до сути произошедшего. Медлить с этим было нельзя, ведь, чем дальше по времени отстояло событие в этом вечно движущемся хаосе нитей причинности, тем сложнее было распутать прошлое. Хаос медленно поддавался, нить за нитью сплетались в событие и тоненький пучок тянулся откуда-то извне этого мира.

— Это была ловушка. — минуту спустя подытожила Селестия и открыла глаза. — Заклятие ловящее путешественников. Причем, совершенно неизбирательное. Дурацкая, дурацкая случайность!

Она гневно стукнула копытом об пол, отчего пара сегментов напольной мозаики превратились в пыль. Её сестра неуверенно отвернулась и посмотрела на подсвеченный лунным светом витраж, изображающий приход Сестер в Эквестрию.

— Это бы объяснило много загадочных исчезновений телепортирующихся, — вздохнула она. Назревали слова и вещи, о которых не хотелось вспоминать и говорить снова, потому она невольно уводила разговор в другую тему.

— При чем тут это?! — почти гневно вскрикнула Селестия, — Нам нужно найти их! Кто знает, что за колдун их поймал?! Я чувствую, что они в беде!

Луна покачала головой и опустила взгляд в пол.

— Ты же видела ту нить, ты видела, куда она ведет. Домо...

— Нет! — Селестия вздохнула и взяла себя в копыта. — Это место давно не наш дом и не называй его так. — сказала она, восстановив самообладание, — Но, похоже, нам придется вспоминать прошлое. Впервые за три тысячи лет. — подойдя к сестре, она потерлась мордочкой о её мордочку, — Я очень надеялась, что нам с тобой, никогда не придётся делать этого.

— Я тоже, сестра. — Луна бросила заклятие, распечатавшее зал, сделала пару шагов в сторону дверей и остановилась в нерешительности. Селестия сейчас чувствовала то же самое.

— А с чего же мы начнем? — произнесли они одновременно. Луна неуверенно улыбнулась, но улыбка медленно сошла с её губ. Между собеседницами нарастало понимание.

— Мы давно оборвали все связи с тем миром. Мы не сможем нести свою волю туда... — приговором упали слова богини дня. Богиня ночи ответила молчанием.

Селестия подошла к световому окну залы и распахнула его. За проемом окна медленно падали снежинки. Сестра подошла к ней и приобняла крылом, пытаясь хоть как-то утешить.

— Это должен был быть лучший День Тёплого Очага. Я нашла для неё ту книгу... — слезинка покатила по щеке повелительницы мира. Луна прижалась к ней и смотрела на снег, такой неуместно красивый. И в голову ей пришла такая же неуместная мысль о сувенирных шариках с Кэнтерлотским замком, заполненных глицерином и мелким поддельным снегом, которые охотно раскупали проезжие пони. Наверное, снизу, из города, сейчас замок казался таким же...

Шарик.

Что-то давно и осознанно забытое, пробивалось сейчас на поверхность мыслей Принцессы Ночи.

— Шарик. — сказала она вслух, чтобы помочь себе вспомнить. Сестра недоуменно посмотрела на неё.

— Шарик, шарик, сувениры... — пробормотала Луна, задумчиво цокая кончиком накопытника по полу.

— О чем ты... — неуверенно начала Селестия.

— Вспомнила! — Луна аж привстала на задних ногах и распахнула крылья. — Тия! В старый замок! Нам нужно туда! О, звёзды, я надеюсь, что оно всё ещё там!

С этими словами, она исчезла в хлопке телепортации. Селестия хотела было немедленно отправиться следом, но всё же задержалась, чтобы вызвать мажордома и отдать распоряжения. Несмотря на все обстоятельства, на ней всё ещё лежала большая ответственность и ей не хотелось лишней паники, если они задержатся надолго.

Телепортируясь в небо над старым замком, Селестия поймала себя на мысли, что втайне надеется на то, что такое же заклятье-ловушка поймает и её. Кто бы ни был загадочным похитителем, ему бы пришлось иметь дело с богиней и она спасла бы девочек. А там, глядишь, нашёлся бы и обратный путь. Но чуда не произошло.

Она нашла сестру в её старых покоях, сейчас представляющих собой большую комнату со слепыми окнами, давно лишившимися стекол, просвечивающим потолком и кучами гнилой древесины, когда-то бывшей мебелью, вперемешку с нанесённым непогодой снегом и гнилыми листьями. Причем, не ясно было, была мебель в таком плохом состоянии и раньше или это было последствием, идущего сейчас, бурного обыска. Луна, тем временем, доломала то, что некогда было секретером и, явно не найдя искомого, добралась до стенового шкафа и открыла его, явив ряды пыльных нарядов, вышедших из моды столетия назад.

— Удивительно хорошо сохранились, надо же. — вслух изумилась она. — Кажется, вот тут висят мои любимые.

Она дотронулась накопытником до одного из древних платьев и оно немедленно рассыпалось в пыль.

— Так что ты ищешь? — спросила наконец Селестия, глядя на отчаянно чихающую сестру и уложила пыль магией.

— Аааапчи! Фух... — Луна помотала головой. — Кое-что старательно мною забытое. Ага!

Её рог засветился и часть древней деревянной панели, до этого находившейся за осыпавшимися нарядами, отъехала в сторону. За ней была маленькая металлическая

дверца без единого пятна окисления и без единого украшения, не считая замочной скважины в форме полумесяца, которая явно должна была вращаться в круглой основе, изображающей полную луну.

— Ого, так вот, где моя сестрёнка прятала свои секреты. — Селестия подошла поближе.

— И что же там?

— Не отвлекай меня, пожалуйста, мне ещё нужно вспомнить ключ.

Принцесса Луна закрыла глаза, её рог засветился и в воздухе стали появляться очертания синего полупрозрачного ключа с, изогнутой в форме полумесяца, хитрой бородкой. Полу-материальный ключ проплыл в воздухе и вошел в замочную скважину. Луна нахмурилась, корректируя зубцы бородки и ключ медленно повернулся. Дверца маленького сейфа открылась без малейшего скрипа. На внутренней металлической поверхности, на удивительно хорошо выглядящей, для своего возраста, бархатной подушке, лежал стеклянный шарик.

Шарик был всем похож на сувениры с кэнтерлотским замком: внутри тоже было здание.

Шарик выплыл из своей тюрьмы и завис перед глазами Селестии.

— О, Звёзды. — проговорила Селестия, всматриваясь в прозрачное стекло и то, что было за ним — Это то, о чём я думаю? И ты, все эти века хранила его у себя? Но почему?

— Не сочти меня излишне ностальгирующей душой, Тия: когда я положила его сюда, я старательно стерла из своей памяти всё, что было с ним связано. — Луна виновато улыбнулась, — Просто, сама понимаешь, были времена, когда я была куда менее легкомысленной и куда более предусмотрительной. Мне казалось, что не стоит обрывать последнюю нить, пусть и настолько эфемерную. Как видишь, я была права.

— Ладно, поговорим об этом как-нибудь потом, — отмахнулась Селестия, — не будем беспокоить старые тени этого места и вернёмся в Кэнтерлот. Здесь у нас нет подходящих условий для дела.

Спустя полминуты, обе аликорны приземлились на балкон покоев Селестии. Принцесса дня, положила стеклянный шарик на небольшой чайный столик. Шарик, несмотря на то, что у него не было никакой подставки, просто лежал на ровной поверхности и не пытался укатиться. Внутри него было заключено крохотное здание, явно не предназначенное, чтобы быть жилым домом: слишком вычурной и торжественной была его архитектура с золотой бляшкой стилизованного солнца на фасаде, в диск которого был вписан платиновый диск, изображающий луну. Вокруг здания была решётчатая ограда, внутри которой ровными рядами было наткано несколько, удивительно детализированных для такой миниатюры, деревьев. Луна села напротив сестры и с интересом смотрела на неё, будто изучая её реакцию на встречу с прошлым.

— Знаешь, — нарушила молчание Селестия, — Я даже не помню, как называется город, где он стоит. — она почти виновато посмотрела на сестру. — Я была уверена, что не умею забывать по-настоящему, только подавлять воспоминания и вот я не могу вспомнить имя города.

— Я тоже не помню. Возможно, имя давно сменилось и стало мертвым в памяти у тех, кто в нём сейчас живет. И мы забыли тоже, так бывает. — Луна тронула копытцем шарик на

столе. — Ну что, заглянем туда?

Обе принцессы наклонились к шарик и глаза их слегка засветились.

— Тия, а ты помнишь того, последнего? Или эта штука умудрилась сломаться, или... — неуверенно протянула Луна.

— Да, это странно. — удивленно ответила Селестия, — Этого не может быть: он не может всё ещё быть там.

Нулузарим Ат'Вэруносимат открыл глаза, мысленно сосчитал до десяти и с трудом сел на своем ложе. Древняя конструкция из окаменевшего дуба и кованых скреп даже не скрипнула под его лёгким телом, лишь зашуршал старый соломенный матрац, совершенно не вяжущийся с такой внушительной и роскошной основой. Это утро отличалось чем-то от тысяч других, но проснувшийся не мог понять чем. Наверное дело было во сне, который он забыл. Впрочем, само наличие сна было редким и необычным: уже очень давно, как по ночам он просто проваливался в небытие без сновидений. Иссохшей и дрожащей старческой рукой, он достал из-за ворота сорочки грубого полотна свой жреческий знак — маленькую копию символа, красовавшегося на фасаде здания и несколько раз прочел своё имя, некогда неровно выбитое на обороте им самим. Бывало, что он забывал своё вычурное имя, если не напоминал его самому себе пару раз в течении дня. Старый жрец был чрезвычайно худ, на его обтянутом кожей лысом черепе были вытатуированы, побледневшие от времени, фазы луны и движения солнца, а на его ввалившихся щеках пробивалась седая щетина, переходившая в жидкую козлиную бородку. Вряд ли он вспомнил бы, когда в последний раз пользовался ножницами или бритвой, просто потому что он был настолько стар, что даже растительность на его лице больше не росла. Все его желтые зубы, однако, были на месте, чем не могли похвастаться другие люди его возраста. Впрочем, другие люди его возраста, имперской науке были неизвестны.

Его аскетично обставленная спальня вымерзла за ночь, но старому жрецу было холодно всегда, поэтому он просто встал, сунул костлявые узловатые ступни в сандалии, натянул старую рясу собственного пошива, правая сторона которой была грязно-белой, а левая — выцветше-синей, кое-как умылся водой из медного тазика, в очередной раз удивился собственному отражению в зыбкой поверхности и позавтракал размоченным в воде чёрствым куском хлеба с половиной луковицы. За стрельчатым окном виднелось светящееся небо и ветви вечно отцветающей старой вишни. Опираясь на древний посох из драгоценного костяного дерева, он покинул свои покои и, попетляв по древним коридорам со стеллажами, заполненными свитками и книгами, вошел в большой храмовый зал. Дойдя до алтаря, на котором стояла древняя чаша из электрона, он с трудом встал на вечно ноющие колени, сложил ладони над головой и тихим, надтреснутым голосом прочитал Литанию Рассвета.

— Вэруна, ведущая нас в ночи, спасибо за светлые тропы. Михарат, несущая свет, благослови этот день для всех нас.

Он с тусклой надеждой поднял взор на две больших статуи в четыре человеческих роста, абсолютно симметричные и одинаковой формы: две крылатые и прекрасные каменные девы в коронах держались за руки, а свободной протягивали вперед и вверх каменные шары.

Жрец смутно помнил, что когда-то давно, статуи различались: волосы каменных богинь казались живыми и переливались, а шар каждой был именно тем светилом, за которое она отвечала. Это было свидетельством божественной благодати, дарованной храму и символом веры. Но сегодня, как и тысячи раз до этого, статуи были лишь мертвым камнем. Разве что, на лице левой статуи появился первый луч рассвета, бьющий из витражного окна под потолком.

Нулузарим не помнил толком времена, когда благодать была в этом храме и совсем не помнил себя в этих временах, не помнил, как благодать пропала и почему. Он даже не помнил времен, когда он не был стар. В священной “Книге Небесных Сестёр”, которую он перечитывал довольно часто, чтобы не забыть, какой именно религии он жрец, он каждый раз наткался на поучение, что “утешение старости — в памяти о делах молодости” и каждый раз эти слова будили в нём смутное, обидное недоумение. Его вера в собственный культ давно угасла, если когда-либо существовала, осталась только рутина да старая книга, которую он, время от времени, переписывал, вяло удивляясь, что и на более древних списках стоит его имя.

Не слишком разочарованно вздохнув, он тяжело поднялся и, стуча посохом по древнему мозаичному полу, отправился к выходу. В притворе храма он переставил бегунок на последнее деление на бронзовом двадцатичетырёхдневном циклическом календаре, снял засов и с большим трудом толкнул створку старых ворот.

Снаружи было утро, обещая вскоре стать отличным весенним днём. Некоторые трубы, прилегающего к древнему храму, квартала мастеровых и художников, уже пускали дымы, означая готовящийся завтрак, а возвышающийся над городом императорский дворец и башни Великих Кругов магов уже заливали первые солнечные лучи. Беззаботные птицы чирикали и пели песни на ветвях вишен в храмовом саду, а на паперти храма, бессменной стражей уже сидели четверо нищих. Признаться, жрец не помнил, чтобы они чего-либо просили или вообще говорили что-то, кроме короткого “да будет так” на ежедневное благословение и “спасибо”, когда он опускал в их протянутые ладони ежемесячные пятнадцать сребреников. Да и сменялись ли они когда-нибудь или были тут всегда? Не носи Нулузарим на груди золотую цепь с драгоценным жреческим знаком, не опирайся он на посох, стоимостью в несколько кораблей и нацепи он на себя совсем чуточку старых лохмотьев, то и сам бы сошел за одного из этих бедолаг. Быть тут означало быть изгоями даже среди попрошаек, потому что в этот храм и даже мимо него, почти никто ходил. У паперти любого другого храма, посвященному, все еще свидетельствующему свою благодать, божеству, вроде Зумалта — покровителя богатства или Руваша — владыки воинов, эти нищие получали бы во сто крат больше подаяния. Строго говоря, городские попрошайки вовсе не были нищими и дом их гильдии изнутри был украшен не хуже (разве что, намного безвкусней) императорского дворца, а сами они питались довольно неплохо.

За южной оградой, на которую выходила задняя стена храма, удивительно идеальной

полукруглой дугой изгибалась линия обрыва, за которым, внизу текла река. Три тысячи лет назад, когда луна утратила ведущую ее силу и маги Башен еще не перехватили её в новое стабильное поле, сильное землетрясение заставило сползти в реку часть этого района, некогда бывшего приютом аристократии и богачей, которые теперь перебрались в Новый Город на другой стороне реки, опасаясь новых разрушений. Здесь уже три тысячи лет, как не было роскошных особняков, их места давно заняли гильдейские мастерские и многоквартирные дома, принадлежащие ремесленным гильдиям, а ниже по улице начинались еще более жалкие трущобы бедноты.

Только храм, став тупиковым краем района, стоял незыблемо, переживая все перипетии городской застройки.

Жрец дежурно благословил, склоняющих головы при его появлении, храмовых нищих и просто постоял, опираясь на посох и отдавшись тёплым прикосновениям поднимающегося солнца. На секунду старику показалось, что снаружи ограды на него кто-то пристально смотрит. Он повертел головой, но улица была пуста, не считая, сидящих к нему спиной, нищих, вечно клюющих носом и прячущих лица под складками многочисленных капюшонов, а в немногочисленных окнах домов, обращенных на храм, никого не было. Древний жрец помотал головой: ему было трудно долго задерживать внимание на чём-то, поэтому он переключился на главное. Он вышел за проем храмовой ограды, все ещё ощущая чьё-то пристальное внимание. Он не боялся грабителей и убийц, несмотря на то, что носил на шее и в руке огромное состояние, ведь преступники, как весьма суеверный народ, боялись его до колки и, заодно, не хотели прогневить богов, поскольку боги этого мира, как и их жрецы, были весьма консолидированы. Но сегодня был один из редких дней, подсказанный циклическим календарём, когда ему приходилось взаимодействовать с миром за храмовой оградой — день выдачи храмового содержания казначейством Священной Гильдии и Нулузарим, несмотря на смутное беспокойство, отправился в нелёгкий, для такой дряхлой развалины, путь.

Когда-то давно, когда под натиском магов рухнула старая феодальная империя и вознеслась новая — магократическая, первый Архимаг-Император повелел снести все храмы старых богов и разогнать жрецов, чтобы ознаменовать новую эпоху, где правит магия, а не боги. И, когда глашатай огласил указ на дворцовой площади, внезапно разразившаяся буря с молниями снесла все крыши в императорском дворце и обрушила несколько башен, несмотря на все защитные барьеры магов. Тогда напуганный монарх повелел оставить храмы в покое и издал закон, по которому ни один храм не будет тронут, пока не рухнет сам, а жрецы получили множество привилегий, каких не имели, даже при старой империи. Вот уже три с половиной тысячи лет закон исправно исполнялся и многие храмы действительно рухнули сами, когда иссяк поток верующих. Ведь, чем соблюдать требования религии и просить божество снизить к проблеме смертного, гораздо проще было обратиться с той же просьбой и небольшими, в сущности, деньгами к магу, получив гарантированный результат, вне зависимости от того, уважаешь ты его или нет.

Из шестнадцати богов старого пантеона, свою благодать всё ещё являли лишь трое, которые не теряли актуальности для низких душевных потребностей людей: Податель

Богатств, Владыка Воинов и Проводник Мёртвых, потому что ещё остались алчные, остались те, кто хотел удачи в бою и оба этих сорта желали не потерять свои души по дороге в Закат. С падением веры, падали и нравы: расы, которые раньше держали на расстоянии из-за их варварских обычаев и отношении к человеческой жизни, вроде змеелюдов и дроу, теперь свободно ходили среди людей; узаконилось и обрело широкий рынок рабство; стало обычным ненавидеть свою родню и уничтожать всех, кто стоит на пути к наследству и влиянию; стало нормальным относиться к окружающим, только как к потенциальному врагу или к потенциальной жертве. Так что, маги, всё же, уничтожили храмы — подспудно и медленно.

Спустя пять столетий от возвышения магократии, исчезла благодать из последнего храма Небесных Сестёр. Только Священная Гильдия жречества, созданная чтобы хоть как-то поддержать старые верования, выделяла деньги из “общего котла” на содержание жрецов и храмов погибающих культов. Таковая функция её, на данный момент, уже почти изжила себя, ведь кроме трёх стабильных культов, оставался всего один умирающий, который, по неизвестной причине, всё никак не мог умереть, причём, в буквальном смысле слова, а сама Гильдия стала, скорее, совещательным органом для всех жрецов.

Гильдия, как и культы, которые она представляла, была сказочно богата и все её представители, кроме одного, вели довольно роскошный образ жизни. Ко всему, все три действующих культа, формально, не запрещали рабовладение и личное богатство своим служителям, а посему, жреческая “каста” была самым крупным земле- и рабо-владельцем в империи после Великих Кругов. Ощущая некоторые обязательства и неловкость перед четвёртым, из всех четырёх существующих на этом континенте, архижрецов, остальные трое, каждый месяц, честно и исправно выделяли на содержание его храма сумму в золоте, закреплённую в уставе гильдии. И архижрец Небесных Сестёр Нулузарим исправно приходил за деньгами уже почти три тысячи лет, удивляясь, в своей, более, чем старческой, забывчивости, частоте сменяющихся монарших имен и профилей на получаемых монетах и, заодно, невольно наводя легкий суеверный ужас на встречавшихся ему в гильдейском дворце молодых жрецов, ещё не привыкших к факту существования архижреца Нулузарима.

Получаемые им четыреста пятьдесят золотых он распределял так: на себя он тратил только шесть-семь сребреников, пять золотых он тратил на бытовые мелочи, необходимые для поддержания в чистоте неразрушимого здания храма, сада и пополнения запасов пергамента, перьев и чернил для своей бесконечной работы переписчика, половину золотого серебром он раздавал нищим у своего храма, а с остальными деньгами он шел на невольничий рынок и выкупал попавших в рабство людей, возвращая им свободу и даруя по золотому каждому из освобожденных.

Выкуп рабов был традицией, заведенной одним из его предшественников, в тот же день, когда в торговом районе, называемом Перекрёстком, появился первый невольничий рынок, узаконенный новой властью. Хотя, сейчас на невольничьем рынке можно было найти разумных существ не только со всей ойкумены, но и отловленных в иных мирах магами, специально учрежденного для этого, Круга Цепей, жрец выкупал только людей и только тех, кто попал в рабство за долги. Обычно, это были крестьяне и разорившиеся

цеховики, которые, не имея они долговых договоров, надевших на них ошейники рабов, могли бы выбраться из нищеты и быть свободными, трудясь на состоятельного соседа или мастера. Наемный труд, для ответственных занятий, всё ещё был в почете, потому что раба трудно заинтересовать результатами своего труда, а наемный работник, ко всему, ещё и не бунтовал. Не то, чтобы остальные разумные существа, так же страдающие в рабстве, не были достойны освобождения, с точки зрения культа Небесных Сестёр, но они стоили намного дороже из-за экзотичности, а потому, Нулузарим просто выбирал тех, кого мог освободить в большем количестве. Да и не мог жрец дать экзотам настоящей свободы, ведь места, где был их дом, были бесконечно далеко.

В далёкие времена, жрецов Небесных Сестер, выкупающих и выпускающих на свободу рабов, считали святыми, но, в текущую безнравственную эпоху, все уже считали это странным чудачеством, вполне сочетающимся со всеми остальными странностями, окружающими архижреца Нулузарима. Даже освобожденные им рабы искренне не понимали, зачем он это делает и, в большинстве своем, смотрели на него, как на дурака. Наверное, не будь он настолько стар и безразличен к окружающему миру, он бы давно и крепко возненавидел человечество нынешних времен, однако, он просто делал то, что делал всегда.

Изредка, Нулузариму удавалось подзаработать на свои благородные цели шальное золото, благодаря магам, уже не одну тысячу лет бившихся в непреодолимую стену тайны бессмертия. Примерно раз в четверть столетия, обязательно находился неугомонный исследователь, готовый отвалить кучу золота за возможность осмотреть бессмертного жреца и, как десятки предшественников до него, снова констатировать, что объект исследования — крайне худой старик, биологического возраста ста двадцати лет и календарного в десятки веков, ни физиологически, ни алхимически, ни магически ничем не отличающийся от обычного человека, кроме крайней дряхлости и отступить с вздохом “божественное чудо”.

Своего выезда у архижреца давно не было, поэтому он просто пошёл по улице в сторону квартала Гильдий, прилегавших к Перекрёстку, тяжело опираясь на свой посох. Путь предстоял долгий и в храм он не надеялся вернуться раньше, чем после полудня. Его странный статус существенно облегчал ему путь: люди и нелюди на улицах торопливо уступали ему дорогу, тягловые животные сами останавливались, пропуская его, несмотря на понукания возниц, а городские стражи, стоящие у ворот кварталов, пропускали его без всякой платы и очереди, склоняя голову для, машинально раздаваемых стариком, благословений. Кроме странного почтения со стороны животных и того факта, что к каждому, кто родился под этим небом, старый жрец мог обратиться по полному имени, даруя благословение, даже если впервые видел его, никаких сакральных способностей у него не было. Он не смог бы залечить святым словом даже укол иголкой или упокоить нежить-таракана. А ведь когда-то... Впрочем, “а ведь когда-то” давно было белым пятном для Нулузарима.

За два часа он добрёл до дворца гильдии, поприветствовал каждого из старших жрецов, чьи имена он не запоминал, а просто ориентировался по отмечающим ранги

регалиям, получил, переданные трясущимися от страха руками, деньги, сразу обменял четыреста золотых на удобный казначейский сертификат Священной Гильдии и отправился в район невольничьего рынка, шумевшего сразу за мостом через огибающую город реку. Глядя в спину уходящего Нулузарима, архижрец Сетала - Проводника Мёртвых, опиравшийся на посох с навершием в виде ворона, по давно укрепившейся в гильдии негласной традиции, тайком сложил пальцы в священном знаке и тихо произнес литанию упокоения. Как и бесчисленное множество раз до этого, древний архижрец Небесных Сестёр, всегда втайне подозреваемый в том, что он, всё же, некая форма нежити, невозмутимо продолжал путь, никак не желая рассыпаться в прах или сгорать в священном пламени.

Невольничий рынок был для Нулузарима самым ужасным местом на свете: вид людей и нелюдей, сидящих в клетках или прикованных цепями к длинным железным штангам внутри загонов, был для него почти невыносим, но хуже всего было, исходящее отовсюду, всеподавляющее отчаяние и безнадежность, которые жрец буквально ощущал кожей. Пожалуй, только визиты сюда, поддерживали призрачные остатки его идеализма. К счастью, его цель находилась в самом начале рынка и ему не приходилось углубляться в этот ад.

Работорговец по имени Савел Туwir, уже ждал жреца возле загона. Он сам, как и его отец, и отец его отца, и еще пара десятков поколений Туwиров до него, считали старого Нулузарима стабильной статьёй доходов и даже в деловых гроссбухах семьи, для солидности, заказываемых в типографии, это имя было заранее напечатано в соответствующих графах уже несколько столетий. Это семейство даже считало архижреца, своего рода, талисманом их бизнеса и относилось к нему с уважительной теплотой, безответной, впрочем, между собой называя его “Дедуля Нулуз”.

Работорговцы этой семьи не надеялись на экзотический товар, а тем более, не хотели покупать ничего сомнительной доходности у магов Круга Цепей и, потому, специализировались только на торговле себе подобными. Зная предпочтения старого жреца, раз в месяц Туwir честно отбирал из партии товара тех, кто не родился рабом и попадал в рабский караван из долговых тюрем небольших сельскохозяйственных городков, на всём протяжении Великого Западного Тракта, приблизительно набирая на триста восемьдесят — четыреста золотых. Туwиры всегда отдавали должное жрецу, с которым, по закону о жреческих привилегиях, нельзя было торговаться, но всегда дававшему справедливую цену и всячески старались не разочаровывать его, даже заранее подготавливая и заполняя вольные грамоты на весь продаваемый жрецу товар.

Завидев в толпе худую фигуру жреца в неизменном бело-синем одеянии и отблескивающую на солнце лысину, давно ожидавший его, Савел Туwir принял максимально почтительный вид и первым поприветствовал почтенного старца. Просить благословения Небесных Сестёр он не стал, потому что знал, что жрец его не даст работорговцу, а, скорее всего, приложит по голове посохом, как первого из Туwиров, решившегося об этом просить.

— Привет и тебе, Туwir. — проскрипел Нулузарим, не удостоивший работорговца даже кивком и перевёл взгляд на, отделенный решеткой от остального загона, закуток, где

сидели его сегодняшние вечные должники в количестве пятидесяти двух душ. Как всегда, в таком отборе, половина состояла из женщин и детей, которые, по закону, также становились рабами, когда глава семейства становился банкротом. — Я смотрю ты в добром здравии и дела твои идут хорошо. Я почти вижу длань Зумалта Подателя Благ над тобой и твоим родом и да будет так впредь, именем его.

Это было почти хорошим отношением — благословить именем другого бога, ни словом не упоминая своих богинь, но и не проклиная на веки вечные. Савел оценил и сразу подал старому жрецу стопку вольных грамот, не дожидаясь, пока тот назовет цену. Он торопливо крикнул надсмотрщику, чтобы тот освобождал от цепей партию, принадлежащую жрецу, так как прекрасно знал, что старику тут совсем не нравится находиться. Он бы даже не заковывал предназначенных для жреца рабов, но того требовали правила рынка и, ко всему прочему, он не хотел убийств счастливых и бунта среди других рабов, которым не повезло попасть в список Нулузарима. Поэтому, эти рабы до последней минуты не подозревали, для чего их отделяют от остального загона. Нулузарим назвал цену в триста восемьдесят четыре золотых, отдал Савелу банковский сертификат Священной Гильдии, получил сдачу в золоте и вошел с пачкой вольных грамот в загон. Надсмотрщики, давно работающие на Тувиров и знающие, что сейчас будет, щёлкнули в воздухе хлыстами и приказали всем рабам сесть на землю.

Жрец распустил шнур тяжёлого кошелья на поясе, достал первый золотой, взял первую грамоту из пачки и безошибочно подошел к тому человеку, чьё имя было на ней написано.

— Держи, Тахво Тамун, теперь ты свободен. Да осветят Небесные Сёстры твой путь. Не верящий тому, что происходит, раб принял бесценный дар свободы и деньги, на которые можно было несколько месяцев жить небольшой семье и, глядя на жреца, уже вручавшего грамоту и золотой девочке-подростку, медленно поднялся с земли. Ближайший к нему надсмотрщик ткнул его сложенным хлыстом в спину и сказал: "Топаи давай, вон выход."

Бывшие рабы поднимались с земли свободные и почти богатые, по меркам тех мест, откуда они были родом и покидали загон. Все ещё оставшиеся внутренне боялись, что свобода достанется не всем, но старый жрец, которому не нужно было делать перекличку, а просто знавший, кого и как зовут, быстро раздавал свободу и золото. Он, пока что, старался не смотреть за решетку, отделяющую эту часть загона от остальной и на тех, кто был там. Но он не был лицемером и поэтому, когда последний человек покинул отделённую часть, он подошел к решетке и постарался посмотреть в глаза каждому. Он видел злость, непонимание, напускное безразличие, зависть. Как мог, архижрец Нулузарим склонился в извинительном поклоне и сказал.

— Простите меня. На вас у меня нет ни злата, ни силы. Да осветят Небесные Сёстры ваш путь.

Он распрямылся и снова смотрел им в глаза. Он принимал эту добровольную кару за собственное безверие и бессилие уже очень много раз и каждый раз был, как первый. Загон ответил молчанием. Только огромный горец, покрытый клановыми татуировками, гладиаторскими клеймами и шрамами коротко кивнул ему и сказал:

— Не переживай, дед. Твои богини послали тебя хоть к кому-то. Да осветят они и твой

путь.

— Храни тебя Владыка Воинов, Думас Тор'Кавим.

Жрец вышел, из под давящей решетчатой тени загона, оставив, не имеющего опыта общения с архижрецами, гладиатора недоумевать, откуда старик знает его имя и осмотрелся. Ни одного освобожденного раба здесь уже не было, впрочем, так было почти всегда. Да и сам Нулузарим не горел желанием общаться с ними. Он попрощался с Тувиrom, как всегда отказался от предложения выпить чашечку вина и собрался в нелёгкий путь обратно к храму.

Мимо, на руках носильщиков, в сторону ворот рынка, проплыл богатый паланкин, раздвигая толпу и Нулузарим последовал за ним, рассчитывая на легкий путь через прибывающий к торгу люд. За паланкином рысили две странные маленькие лошадки, большая из которых, была на поводке, привязанном к кольцу “для покупок”, а меньшая просто старалась от неё не отставать и при этом вертела головой во все стороны, являя жрецу нехарактерную для лошадей, но, довольно эстетичную, короткую морду с почти бинокулярным расположением больших и милых глаз. Оба существа были грязны, но через грязь проглядывала белая масть с необычной для местной природы, расцветкой гривы. Нулузарим лишь сердито удивился, каких только существ не ловят проклятые маги Круга Цепей и мысленно пожелал бедным экзотам удачи.

Паланкин, тем временем, выйдя за ворота, повернул в сторону Нового Города, а старик пошел по мосту, ведущему в Старый. На середине моста он остановился и облокотился на каменную ограду, чтобы немного отдохнуть и подумать: с периферии сознания, пыталось дать о себе знать чувство чего-то упущенного. Нулузарим посмотрел в сторону скрывающегося за следующим поворотом паланкина и на следующих за ним, не по своей воле, маленьких экзотов. И вдруг он вспомнил, что видел их или похожих на них существ в сегодняшнем предрассветном сне, сюжета, которого, так и не вспомнил. — Пророческий сон, что увижу сегодня маленьких лошадок, надо же. Никак Вэруна обронила пару капель из Чаши Снов. — пробормотал он и направил свои шаги в сторону своей вотчины.

Принцесса Луна прервала контакт и сделала шаг назад. На её мордочке застыло выражение, будто она увидела давно умершего друга, которого сама и убила.

— Что же, теперь мы знаем, что девочки действительно там. Рэрити и Свити Бэлль не выглядели ранеными. — задумчиво проговорила Селестия.

Однако её, все еще смотревшую в иной мир, заботило кое-что ещё.

— Что с ним стало? Я даже не ощутила сопротивления, когда вошла в его разум, будто душа его состарилась и истончилась вместе с ним. От него почти ничего не осталось! Нулузарим Слово Небес, поднимавший на ноги неизлечимо больных и смертельно раненных одной лишь верой. Нулузарим Истребитель Нечисти, очистивший и упокоивший всю Долину Страха. Нулузарим Поборник, уничтоживший круг некромантов Карсидуса, которым страшились бросить вызов даже их собратья — маги Великих Кругов. И Нулузарим Старая Развалина не твердо помнящий собственное имя, давно забывший прошлое и утративший даже тень былой веры, живущий будто в сером сне,

повторяющемся и повторяющемся. Неужели это — один и тот же человек? И что обрекло его на это? — Селестия была растеряна и обижена, ведь её последний архижрец, завершавший правление их культа, мог бы стать примером даже для священнослужителей прошлых поколений. Она считала, что последнее пламя веры в их дело, горело красиво и ярко, но теперь увидела пепел, что остался от него. Будто, тронутые плесенью и гнилью, старые декорации давно сыгранного хорошего спектакля, брошенные переехавшим театром и теперь отданные непогоде на мусорной куче. — Не он один. — промолвила Луна, указав на оборванцев на храмовой паперти, прячущихся под слоями лохмотьев, — Это остатки храмовой гвардии, четыре наших последних паладина: Остогар Осудитель, Наврин Мечник, Каморам Сказитель и Сириг Мореплаватель. И они — такие же полумертвые тени самих себя. Вот только, они давно забыли, кто они и считают себя храмовыми нищими.

— Да, это, действительно они... — сказала Селестия, приглядевшись, — и им ещё хуже. Ах, Каморам, каким поэтом он был! Я до сих пор помню все те стихи, что он посвятил нам с тобой. А кто мог сравниться в бою с Наврином, который презирал любые щиты и мог отражать стрелы своим мечом? Вера же его могла разрубить неразрушимое! Остогар странствовал в диких и незаконных местах, ради того лишь, чтобы нести правосудие, тем, кто хотел стать над законом божественным и людским, чтобы и там люди могли чувствовать себя в безопасности. Сириг, что обогнул весь мир и нес правосудие в любые уголки мирового океана, что охотился на пиратов, обрекавших людей на рабство или смерть. Теперь же у них есть только паперть, да мысли, медленные, как улитки, о веками болящих внутренностях и костях.

Луна отошла от столика и прилегла на кровать своей сестры, отвернувшись от неё. Селестия ещё смотрела, как то, что, некогда давно, было архижрецом Нулузаримом, ковыляло через городские улицы в сторону храма, давно ею оставленному и на древних рыцарей, что были теперь лишь немощными полоумными стариками.

— Что за проклятие могло обречь их на это? Почему они... — Селестия оборвала себя на слове, когда услышала тихий всхлип.

Она обернулась к сестре, заметив, что та уткнулась в подушку и плечи её подрагивают в беззвучных рыданиях. Селестия встала, подошла к ней и осторожно легла рядом, накрыв сестру крылом.

— Сестра, я понимаю, тебе очень жаль их, как и мне, но ты не виновата, — сказала она.

— Нет, это моя вина, Тия, только моя, — глухо проговорила она в подушку, затем подняла голову и посмотрев на сестру заплаканными глазами, тихо сказала — Если бы я уничтожила эту проклятую штуку сразу, как и все остальные, то их служба закончилась бы вместе с их жизнями в отпущенный им срок. Но Присяга и не обрубленная нить моей силы, превратили их жизнь в бесконечное умирание. Я просто не знала, что так будет, я просто спрятала это, как сувенир из прошлой жизни и забыла о нём. А они... Они просто не рассчитаны, на такой долгий срок жизни, даже обычные старики плохо помнят прожитую жизнь, а эти старики были старыми слишком долго. Я почти убила их души, а то единственное, что мы можем сделать, чтобы спасти Твайлайт и её подруг, почти наверняка, сожжёт и то, что осталось.

Луна поднялась и, перескочив сестру, встала на середину комнаты, глядя в никуда

остановившимся взглядом. Это было слишком ужасно, чтобы быть правдой, но правда все так же лежала на чайном столике, преломляя свет светильников.

— А я-то гадала, как скверна могла коснуться меня, как тьма смогла прокрасться в мою суть и превратить меня в чудовище! А это я! Я осквернена моим собственным грехом! Я прокляла тех, кто был мне верен, лишив достойного конца! Я! Всё, что я делала в этом мире хорошего, я делала в то время, пока они бесконечно умирали из-за моей ошибки!

Селестии на секунду показалось, что глаза сестры снова стали глазами Найтмэр Мун, она вскочила и заключила её в крепкие объятия.

— Нет! Ты никому не желала зла! Я не осуждаю тебя, потому что знаю, что в тебе нет зла!

Богиня, некогда звавшаяся Вэруной, на минуту поддалась слабости и просто зарыдала. уткнувшись в грудь богине, некогда звавшейся Михарат.

Спустя полминуты, Луна, всё ещё не отстраняясь от намокшей от слез шерсти на груди своей сестры, тихо сказала, глядя из под крыла сестры на маленький шарик.

— Тия, я переживу это, честно. Ради тебя и всех, кому мы дороги. Я знаю, что ты не хочешь осуждать меня, но, пожалуйста, постарайся хоть чуть-чуть. Мне будет совсем плохо, если ты не поделишь это со мной. Мы же боги, а ошибки богов всегда дорого стоят тем, за кого боги берутся отвечать. Если ни я, ни ты не будем осуждать подобное, то плохо придется и нашим нынешним подопечным. И я знаю, что, после того, как мы, совсем недавно, обрели друг друга снова, тебе трудно не потакать мне и не брать на себя, чуть что, роль заботливой старшей сестрёнки. А потому... и я не верю, что сейчас я говорю это тебе, но... будь ответственнее.

Селестия чуть сильнее прижала её к себе и улыбнулась, сквозь слезы.

— Буду.

Жрец раздавал серебро. Серебро было хорошим мерилем времени: не важно, насколько близким кажется тот день, когда серебро раздавали в прошлый раз, по количеству монет в кошеле, можно понять, сколько дней прошло. Календари и цифры путались в голове и не помогали ориентироваться совершенно, а циклический календарь в притворе храма, словно бы издевался, когда пытаешься по нему понять, который день и мог давать новые трактовки каждый раз. Или, на самом деле смотрел на него не минуту назад, а вчера, месяц, года назад? Только ощущение твердого камня под собой помогает ощутить хоть какую-то точку опоры в кружащемся вокруг мире. Кости ноют. Только вчера кто-то возился у стены того дома с ведром побелки, а сегодня стена выглядит, будто не знала ремонта десятилетия. Или её белили много лет назад? На монетах снова другой профиль. Он уже был раньше? Вроде бы, знаешь буквы, но все они распадаются на крючки и чёрточки, когда пытаешься что-то понять. Да, ты король. Но как тебя зовут? Помнишь, что он волшебник. Все они волшебники, но не могут чеканить монеты с нормальными буквами, которые не разваливаются, едва пытаешься их понять.

— Спасибо. — жрец достоин благодарности, он всегда один и тот же. Кроме него и тех, кто рядом, больше ничего стабильного нет. Кто же они? Не помню. Соседи по ночлегу, по

паперти - всегда одни и те же.

— Да будет так. — да, пускай освещают, ночью очень темно в этом квартале, все экономят. Все равно не помогает там, где приходится спать — в углу старого склепа.

Монет снова пятнадцать. Хватило бы и меньше, в три раза меньше, но приходится тратить все, чтобы считать время, иначе совсем не ощущается жизнь.

Да, иди, жрец, иди. Да, ты такой же слабый, как я, но я всегда помогу тебе открыть тяжелую створку дверей. Ох, как ноют кости. А теперь на место, на старый камень. Это крик? Жрец кричит? Надо помочь! Вот ты где. Ты упал на колени. Неужели тебя доняли старые кости? Или ты споткнулся? Почему так светло тут стало, почему так...

Статуи светились. Нулузарим не мог поверить в это. Все его естество захлестнуло чувство. Просто чувство. Как будто чувства забыли, какими они должны быть и просто хлынули потоком хаотичного материала, из которого они состоят. Жрец, упавший на колени, завороченно смотрел слезящимися глазами, как свет обретает смысл и форму. Вот заструились эфирным всецветием волосы Михарат, вот стали ночной многозвёздной бездной волосы Вэруны, вот обрели силу крылья, вот солнце в руках Владычицы Дня, вот луна в руках Владычицы Ночи. Створка старой двери надрывно скрипнула и стукнула об стену, когда за спиной жреца в храм ввалились нищие, услышавшие его невольный вскрик и тоже застыли в благоговейном изумлении.

Стены храма постепенно исчезали, камень уступал место свету, который сомкнулся вокруг ошеломленных людей.

— Простите меня... — сдавленно прошептал жрец.

Богини приблизились. Они больше не были огромными образами, воплощенными в камне: две прекрасные девы обычного роста с лицами, полными сострадания.

— За что мы должны прощать тебя? — в голосе их слышалось легкое удивление.

— Вы покинули нас... Я архижрец, а значит, я, как-то, в ответе за всё это... Я, наверное, совершил что-то ужасное... Но я забыл. — запинаясь от душивших его слез, бормотал старик, — Я утратил веру и все свои силы, прошу вас, простите меня!

Вэруна подошла к трясущемуся старику и положила руки на его плечи. Если бы это не было невозможно, можно было бы поклониться, что она готова заплакать вместе с ним.

— Ты не повинен ни в чём, Нулузарим Ат'Вэруносимат.

— Н-но... но я... — прикосновение живой богини было... божественным. Казалось, что всё его тело забыло о веках медленного умирания и сейчас снова было молодым, здоровым, сильным и получало все удовольствия сразу. Будто лежать на зеленой траве под лучами теплого солнца, будто выпить свежей ключевой воды после дальней дороги, словно отведать любимых маминых пирожков после трудной работы, будто услышать "Да!" на главный вопрос, который задают любимым.

— Но почему вы покинули нас? — неуверенно спросил он.

Михарат вздохнула.

— Этот разговор уже имел место быть три тысячи лет назад. Но ты, действительно, старательно забыл его, Нулузарим. Мы ушли, потому что этот мир больше не нуждается в нас. Люди сами, невольно, изгнали нас, перестав нуждаться в нас и любить — с этим мы ничего не могли поделать, а нам трудно находиться там, где нас не любят. Поэтому мы

нашли себе новый мир и новый народ, который нас полюбил и который полюбили мы.

Старый жрец опустил голову.

— Этого я и боялся. Странно... Но я, кажется вспоминаю... — он снова поднял голову, удивлённый и обуреваемый стремительно возвращающимися воспоминаниями, — Я просто не мог это принять. Мне было легче думать что виновен я один и за это я наказан этой жалкой жизнью. И что, когда я искуплю забытый грех, вы вернетесь снова. Но почему я тогда наказан? Я всё же сделал что-то, что прогневало вас? Или моё существование имеет какую-то цель?

Михарат с сочувствием посмотрела на Вэруну. Та склонила голову, на глазах её появились слезы.

— Прости меня, Нулузарим, это всё моя вина, из-за моей ошибки ты и твои соратники ещё живы.

Жрец не верил своим ушам: в его представлении боги были непогрешимы, а Небесные Сёстры были символами благодати, сами по себе.

— Мои соратники? - ухватился он за нить ведущую в сторону от еретических мыслей.

— Они за твоей спиной, Нулузарим, последние паладины.

Он обернулся и, словно впервые увидев их, теперь он начинал их узнавать, будто прошлое возвращалось к нему. Каморам сидел на полу и плакал, закрыв лицо руками, Остогар неотрывно смотрел на богинь, а Наврин и Сиригг распростерлись на полу в поклоне.

— Я... Я начинаю снова вспоминать! Я помню их!

Вэруна лишь покачала головой.

— Наши воспоминания о вас возвращают вам жизнь, пока мы здесь . Но только пока мы здесь.

— Значит вы пришли освободить нас от службы? — с надеждой спросил жрец.

— Не только. — вмешалась Михарат. — Я не буду лгать тебе, мы пришли, потому что кое-кто, кто дорог нам, попал в беду в этом мире, будучи похищенным из нашего. Лишь случайно, ища их, мы узнали о вас.

— Ваш новый народ? — печально уточнил жрец.

— Да. — кивнула Михарат, — Моя ученица и ее подруги.

— Наверное, это всё проклятые колдуны Круга Цепей... — он замялся, — Ваш новый народ, каков он? Неужели настолько лучше нас?

— Те, кто верил в нас, всегда были хорошим народом в любом мире. — внутри всех людей в храме и так пребывающих священном экстазе, разлилось счастье от улыбки богини, — Но наш новый народ не похож на людей, хотя и прекрасен.

— Маленькие лошадки, да? — догадался жрец, — Просто я видел про них сон сегодня, а потом их самих.

— Да, ты прав, это они. — вмешалась Вэруна, — Но, прежде чем продолжить этот разговор, я хочу, чтобы вы все выслушали меня: мир за воротами этого храма более недоступен нам, а вам, чтобы спасти их, понадобится сила. Мы можем влить в вас наши воспоминания о вас, вернуть былую мощь и даже большую, но это может уничтожить вас, как только мы покинем этот мир окончательно. Дармовое божественное могущество разрушает душу, ни один смертный не может принять его просто так, а на то, чтобы вы

снова стали самими собой, нужны годы и годы, которых у нас нет. Вы можете отказа...
— Я согласен! — поспешно воскликнул жрец, прервав богиню, и испугавшись своего святотатства, поспешно же, добавил! — Любая участь и любой риск лучше этого существования. Если это послужит вам, то я готов рискнуть даже собственным посмертием!

— Я готов! — прозвучал единый хор голосов древних паладинов.

Вэруна вздохнула и посмотрела в глаза каждому из людей.

— Мы приложим все силы, чтобы спасти вас, но если не получится... — она подавила невольный и незванный комок в горле. — Простите меня.

Божественная Сила. Она сжигает, опалает самими мыслями о том, что ты можешь сделать... Нет — о том, что обязательно совершишь и никак иначе! Когда сила больше тебя самого, она прорезает тебя, как разливающаяся река в половодье, прокладываящая себе новое русло. Она заполняет прочерченные каналы принципов и годами протоптанные колии жизненных целей. Она льётся в них, следуя путями наименьшего сопротивления, углубляет их, превращая в направленное и несомненное свершение. Одержимость силой — форма безумия. Простое и целенаправленное сердце она сделает ещё более простым, а мятущееся — изменит по своей сиюминутной прихоти или разорвёт в клочья. Когда сила прокладывает в тебе свой путь, бытие становится ясным, как никогда. Там, куда ты хочешь идти, нет преград. То, что хочешь свершить, будет свершено.

Два дюжих раба охраняли ворота и внутренний дворик купеческого дома. Они были вооружены, а значит максимально доверены, обласканы и облечены привилегиями, о которых иные рабы могут только мечтать. Старший в этой паре, шлёпнул по заднице дородную кухарку, вынесшую стражам дымящиеся миски с ужином и только приготовился к еде, когда калитка в воротах с душераздирающим треском прогнулась внутрь и открылась, печально звякнув вырванными из рамы петлями и повиснув на гнупом засове. Спустя секунды, выхваченные мечи, упали на жёлтые плиты двора вместе с головами.

Остогар Осудитель забыл, что такое препятствия: он просто клал ладонь на прочные двери, созданные из каменного дуба и стали чтобы сдерживать грабителей и огонь пожара и убирал их, будто они были лёгкими пологими из шкур в хижинах степных народов. Иногда дорогу ему пытались преградить вооружённые люди и нелюди, но те, кого он не убивал, с поражающей его самого лёгкостью, бежали сами, едва завидев с кем придётся сражаться.

Купец, так и не успевший поиграться с новыми покупками, испуганный грохотом и криками, был наготове, сжимая в руках взведенный магазинный арбалет и отчаянно дёргая сигнальный шнурок для вызова телохранителей, которые, впрочем, уже погибли.

Его живая собственность сгрудилась в другом углу комнаты, где Рэрити пыталась накрыть подвернувшимся ворохом покрывал сестру и сдавленно умоляла её замереть и затаиться. После всего пережитого в этом мире, мысль о том, что неведомый источник переполоха может сулить им спасение, даже не посетила её.

Остогар чувствовал, что эта дверь последняя, а потому он пробил кулаком дыру в стене рядом с косяком и выдрал дверную коробку на себя, чтобы случайно не ранить, кого не надо.

Первый арбалетный болт он поймал рукой, от второго просто отмахнулся, третий же, просто проигнорировал, поскольку нетвёрдая рука купца послала его мимо. Четвёртый так и не вылетел: самонатягивающий магический механизм просто перестал работать, когда его тонкие связи разладились убийственной аурой, исходящей от гостя, не прилагавшего к этому, впрочем, сознательных усилий.

— Кто ты и каких демонов тебе от меня нужно?! — взвизгнул купец, растерявший всякую степенность и сытое величие.

Его зрительное восприятие будто бы разделилось: глаза его видели худую и сутулую фигуру в драных штанах, нищенских деревянных сандалиях, в болтающейся, явно великоватой, древней, изржавленной кольчуге, полуистлевшей котте, чьи цвета уже были загадкой, архаичном глухом железном шлеме без забрала, где некоторые отверстия были сделаны изначально, а некоторые были проедены ржавчиной и вооруженную чем-то длинным и ржавым, в чём с трудом угадывался полуторный меч, столь же архаичной формы.

А то, что лежит за глазами, что можно назвать душой, видело высокого и грозного рыцаря в эмалево-золотой броне с сияющим мечом и четырьмя могучими крылами за спиной.

— **Я ОСУДИТЕЛЬ. Я ПРИШЕЛ ЗА ТЕМ, ЧТО ТЕБЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ.** — сказал гость и указал пальцем в сторону рабынь.

Голос тоже не был одним целым. Он был одновременно слабым, надтреснутым, сиплым и, в то же время — каменным обвалом, ударами молота, храмовым гонгом. От него сжималось сердце и вибрировали кости.

Купец, отнюдь, не был дураком и понимал, что **этого** грабителя ему не остановить. Он хотел было сказать "забирай всё, что хочешь, только пощади", но перед паладином Небесных Сестёр невозможно скрыть своё сердце.

— Все мои рабы принадлежит мне! — не веря тому, что говорит, воскликнул купец, — Ты не имеешь пра...

— **ПОД НЕБЕСАМИ СЕСТЁР НЕТ РАБОВ,** — оборвал его рыцарь, — **ОБВИНЁН. ИЗМЕРЕН. ПРИГОВОРЁН.**

Инстинктивно поднятый для защиты, окованный сталью арбалет не остановил поднятый и обрушившийся меч.

Сиригг и Каморам ступили в пределы невольничьего рынка. Вряд ли они смогли бы

описать временной отрезок между тем, как они вооружались и облачались тем, что нашли в храмовом склепе, многие века служившем им домом и тем, как они оказались на другом конце города, будто бы они перенесли туда мгновенно. Возможно, так оно и было.

Первым погиб патруль рыночной стражи, после чего началась паника и толпы местной публики в безотчётном страхе рванули на выходы с рынка. К несчастью, рассчитанный при планировке на возможные бунты, невольничий рынок имел всего три нешироких выхода, один из которых блокировали две страшные фигуры, сошедшие с храмовых фресок, а путь к двум остальным лежал через лабиринт загонов, часто и некстати, перекрываемый решётками, узкими антибунтовыми воротами и, понатыканными там и сям, столбами магической блокировки, призванными блокировать магические способности рабов, но сейчас не дающими телепортироваться тем, кто отчаянно пытался оказаться подальше отсюда. С другой стороны, навстречу потоку паникующей толпы, к месту происшествия пыталась пробиться рыночная стража, ещё не знающая в чём там дело. Всё это создало жуткую давку, где люди и нелюди вполне самостоятельно убивали друг друга одной лишь паникой.

Два рыцаря свободно шли по расчищенному рынку, следуя от загона к загону, где неведомой волей ломались замки и решётки, а цепи истончались и рассыпались в рыжую пыль. Впрочем, далеко не все сидящие в клетках радовались внезапной свободе и пытались бежать. Если всякие экзоты и варвары бросались на своих недавних хозяев и надсмотрщиков, не успевших сбежать, то многие люди просто оставались сидеть на своих местах.

Но рыцарям, по большому счёту, было плевать на то, как освобождённые распорядятся своей свободой. У паладинов была цель и они безошибочно двигались к ней. Возле клетки с пони уже не было никого. Каморам мановением руки взломал соседний загон и превратил в рыжую пыль их цепи. Из этого загона выбежали все, даже люди, гонимые страхом при виде ужасных фигур паладинов. Сириг тем временем, выдрал стальную решётку, зашёл в загон, где держали пони. Загон был действительно небольшим: внемировых экзотов разных видов старались держать подальше друг от друга, не зная толком, кто и кем может вдруг решить пообедать. Четыре пони закрывали своими телами жеребят, но фиолетовая единорожка с блокирующим магию ошейником, стояла перед ними, без всякого страха, но с надеждой глядя на пришельцев. Ещё полчаса назад, когда началась паника, даже сквозь магическую блокировку, она почувствовала знакомые ауры силы своей учительницы и её сестры. Сперва обрадованная и окрылённая надеждой, что принцессы пришли их спасти, она не спешила рассказать об этом подругам, потому что чувствовала, всё же, некую инаковость в этой ауре и была не уверена стоит ли так опрометчиво давать им надежду, которая может не сбыться.

Теперь же она вовсе глаза смотрела на дивных существ. Ни она, ни её подруги вовсе не видели жалкую материальную основу этих сияющих рыцарей.

— **МЫ ПОСЛАНЫ БОГИНЯМИ ДАБЫ СПАСТИ ВАС.** — заявил с порога Сириг, отметая разом все вопросы. Чем-то этот голос походил на королевский кэнтерлотский глас. — **МЫ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ ВАС ДОМОЙ.**

— Мы не можем уйти! — воскликнула Эпплджек, — Они забрали Рэрити и Свити Бэлль!

— **НАШ БРАТ УЖЕ ЗАНИМАЕТСЯ ЭТИМ,** — ответил Каморам. Он прислушался к единой

на всех силе, что связывала сейчас всех пятерых. - **И ДАЖЕ УСПЕШНО ЗАКОНЧИЛ ДЕЛО.**

В это время из окон верхнего этажа башни Круга Цепей вырвались первые всполохи огня.

Хотя Башня считалась недоступной для свободной телепортации из-за "изрытого" пространства, Нулузарим вторгся в неё безо всякого труда. Хотя, даже во времена своей молодости, он не пользовался высшей магией вообще и телепортацией в частности, сила, которой он был сейчас одержим, сама давала ему подсказки. Перед его новым внутренним взором, Башня была столпом реальности, сильно ослабленным испещряющими его прорывами в межмультиверсумную нереальность, сочащимися паразитными магическими потоками и исчерченные линиями ловчих заклятий. Однако эта Башня была защищена от вторжений не только сложностями, но и тем, что все, кто, технически, мог бы это сделать, получали выгоду от благополучного существования Башни и её обитателей. Круг Цепей, не будучи одним из Изначальных, а созданный уже после вознесения магократии, когда маги разработали надёжный способ отлова живых существ в иных мирах, был отдушиной для других Кругов: в него сбгивали всех, кто, имея магический талант, был слишком узколоб, туп, неамбициозен, бесперспективен или настолько социопатичен, что даже суперэгоистичное, в общем-то сообщество магов, не хотело их принимать. Однако, Круг стабильно поставлял материалы для экспериментов, необходимые иным Кругам, а львиная доля дохода от работоторговли, поступающая в имперскую казну, выгодно отличала его от подавляющего большинства остальных Башен, лишь пожирающих огромные средства. Маги Башни Цепей и слыли, и были самыми беспечными и пренебрегающими магической защитой, ведь интриговать против такой швали не стал бы ни один приличный маг. Что, правда, сопровождалось нередкими смертями от несчастных случаев на службе, когда очередное существо, выловленное заклятием с ошибками в избирательном протоколе, оказывалось могущественнее и опаснее ловца. С изолированным существом поступали сообразно степени опасности, рабочее помещение оттирали от останков незадачливого чародея и назначали на должность очередной отброс системы магического образования.

Чтобы дослужиться до высоких начальственных должностей, даже в таком месте, как Башня Цепей, надо обладать и удачей, и подлостью, и амбициями, и осторожностью. Само собой, такие маги Круга были из тех, кого другие Круги отсеяли отнюдь не за профессиональные качества и талант. Таков был и Великий Магистр Сим, но это не помогло ему, когда, во время заседания Круга, Нулузарим взломал его персональное телепортационное поле и переместился во внутрь. Предохранительная сфера, разорвала лишнюю материю в точке прибытия и тело Великого Магистра разлетелось по залу, стремительно истлевающими в фиолетовом пламени, ошмётками. Нулузарим оглядел амфитеатр зала и ошеломлённые лица. Он не испытывал тёплых чувств к магам Великих Кругов, но именно к этим магам у него был особый счёт, вместе с одержимостью Силой, вылившийся в насущную внутреннюю необходимость взять виру за

всё.

— Я ПРИШЁЛ ДАБЫ СУДИТЬ ВАС.

Когда первый Архимаг-Император к концу своего правления объявил о своей кончине через три года, простой наследный принцип передачи верховной власти одному из его многочисленных детей, Великие Круги не удовлетворял, потому что не соответствовал "высоким идеалам прогресса", под знаменем которых маги пришли к власти, а выборный принцип мог привести к войне между ними. Тогда сам дряхлеющий правитель предложил компромисс, удовлетворяющий всех: создавать верховного правителя всеобщими усилиями, как символ и воплощение того самого прогресса. С тех пор, идеальные правители империи не рождались из материнского лона, а появлялись в алхимических лабораториях Великих Кругов. Каждый последующий гомункул, создаваемый для короны (которую никто из них, впрочем, не носил, как пережиток прошлого) соединял в себе все достижения евгенистических исследований предыдущих поколений. Их ваяли из генома самых могучих магов и мыслителей, не только людей, но и всех населявших этот мир рас. Экспериментировали также и с иномировым материалом. Во многом, магам помогало то, что готовый владыка должен быть просто человекоподобным. Само собой, получалось не сразу и экземпляр, принимавший верховную власть часто был одним из сотни переживших инкубацию, десятка прошедших отбор по магическим и умственным способностям, но всегда первым по успехам в учёбе. С момента восшествия на престол, продукт магии, алхимии и генной инженерии, до того именуемый просто "Далнаан" (плюс порядковый номер), что на одном из мёртвых языков означало "Прогресс", наконец-то выбирал себе понравившееся имя. Остальные становились исходным материалом.

Нынешний Архимаг-Император, правящий около пяти лет и выбравший при воцарении имя Толвасор, был весьма человекоподобен и даже красив: особенно его красили слегка вытянутые уши и тонкие пёрышки нежно-синего окраса, что заменяли ему шевелюру и покрывали часть спины. В детстве у него были и зачатки крыльев, но их, тогда же, удалили по самый сустав вместе с ненужными бескрылому существу группами лишних мышц.

Как и все императоры до него, он был воспитан в идеалах прогресса и ничем не ограниченной свободы, заслуживающей того, индивидуальности, дабы быть вечно юной (на ближайшие сто-сто двадцать лет) "совестью" стареющих циников и суперэгоистов. Последним, впрочем, многочисленные "Прогрессы" были нужны лишь для того, чтобы сохранять, хотя бы, видимость коллегиальности и для осознания того, что как бы твои многочисленные (а иначе ты - не маг) враги ни лезли наверх к власти, самая высокая ступенька всегда будет занята и твоими усилиями в том числе, если ты, конечно, участвовал в евгеническом проекте.

Сейчас Император, подобно утёсу в бушующем море, стоял посреди зала магической обсерватории, внимая сразу пяти очень нервным и поддавшимся панике магистрам-наблюдателям, рапортующих о многочисленных магических катаклизмах,

творящихся в сейчас в районе Нового Города.

Посреди зала обсерватории, изливаясь светом из огромных тысячегранных кристаллов, свисающих с потолка, переливалась сложной геометрией, печатями и цепочками символов, натальная карта магического пространства, в которой находилась Столица. Сейчас кристаллы передавали схематическую картину магического пространства Перекрёстка и Башни Цепей. Не знакомый со всей этой тонкой наукой наблюдения за магическим полем, счёл бы всё это мельтешащее, хаотичное смешение геометрии и рун, ничем не отличающимся от такой же картины возле любой другой точки мира, где много творящих заклятия магов, но опытный магистр-наблюдатель сразу выделил бы десятки средоточий магической силы, обозначающих живых магов, и то, что бегущие вокруг точек руны означают творящиеся боевые заклятья. И эти точки быстро исчезали, вспыхнув, что означало смерть заклинателя.

Внутри Башни находилась ещё одна перемещающаяся точка, светившаяся, в отличии от окружающих её алых точек, ярким белым светом. Иногда возникающие над ней символы применяемых заклятий, не бежали сложной рунической строкой, подобно муравьиной дорожке, а вспыхивали двумя-тремя простыми знаками, совершенно не знакомыми даже самым опытным из обсерверов.

— Похоже, эти бестолочи из Цепей, призвали то, что им трогать не следовало. — вздохнул Его Всемагическое Величество, даже не подозревая о том, как он ошибается и насколько он, в то же время, прав.

— Не похоже, мой Император, — сказал ответственный магистр дежурной смены, — Нападение было извне. Ещё две точки с похожей сигнатурой орудуют на невольничьем рынке и они пришли из-за реки. Одна точка замечена в районе Белых Садов и теперь она движется к мосту через реку, в сопровождении двух неидентифицируемых сигнатур.

Император мановением руки перевёл фокус пространства на рынок, перевёл на район, застроенный особняками богатых недворян и снова на Башню Цепей. Понаблюдав минуту за творящимся в башне хаосе, он пробормотал.

— Не понимаю...

Позади раздались шаги многочисленных ног и к боку монарха прижалась изящная фигурка вызывающе красивой черноволосой женщины. Луинесс Виго — неизменная все пять лет правления, императорская фаворитка и Старший Магистр Императорской Башни, игриво обхватила его левую руку и почти промурлыкала в ухо Толвасору.

— Милый, у нас намечается хорошая драка? Ну и чья Башня вдруг решила несвоевременно подчистить любителей цепей и ролевых игр?

— Не похоже, что это кто-то из наших. — проговорил монарх, наблюдая за ложным хаосом магической карты и рассеянно чмокнув любовницу в висок.

— Ваше Величество, боевая группа вашей Башни готова к действию. Я также взял на себя смелость привести в готовность полуроту гвардейцев-малефикаров.

Повернувшись на голос Кестоса — сенешаля Императорской Башни, Толвасор заметил, что на почтительном расстоянии от него несмело трётся, оттираемый в сторону боевой группой сенешаля, младший магистр в робе астрономической обсерватории. Заметив на себе взгляд монарха, тот быстро приблизился и с глубоким поклоном доложил.

— Дежурный магистр астро-обсерватории послал меня передать Вашему Величеству, что он наблюдает странные дестабилизирующие колебания в напряжениях небесных осей, они довольно слабы и пока не...

Резко развернувшись, отчего женщина на его руке едва не упала, монарх приказал:

— Фокус на храм Небесных Сестёр!

— ...А где это? — неуверенно проговорил дежурный смены после секундного замешательства.

Раздражённый император, мановением руки, сам навёл фокус на край Старого Города и в зале повисло молчание.

— Сенешаль, выдвигайте малефикаров к храму. Возьмите три полусотни. Пусть оцепят прилегающий район. — нарушил тишину голос императора, не отрываящегося от созерцания огромной, светящейся нестерпимым светом, сферы.

— А магов? — спросил сенешаль, сглотнув.

Толвасор, промолчав, снова перевёл фокус на Перекрёсток. Башня Цепей была мертва и теперь коллапсировала, сворачиваясь сама в себя из-за декомпенсирующего прорыва в нереальность. Вокруг неё разбегались яркие и не очень точки, очень уж разномастные, чтобы быть спасшимися магами: скорее всего, это был вырвавшийся на свободу “зверинец” из подвалов межмировых охотников на рабов. Три яркие белые точки, в сопровождении нескольких странных сигнатур, встретились у моста с чуть более яркой — той, что похозяйничала в башне и начали движение в сторону того, что некогда было одним из самых магически пассивных объектов на карте города.

— И магов тоже. — немного помедлив и проведя рукой по перьям на голове, он добавил,

— Я тоже отправляюсь туда.

— А разумно ли это? — встряла Луинесс

— Я должен это увидеть. — уверенно кивнул не в меру любопытный монарх.

— Я не про это. — отмахнулась магистр, — Нам всем очевидно, что это прямое божественное вмешательство, мы не можем этому противостоять — не такими силами. А если и сможем, то вдруг остальные боги примут это за оскорбление и как-нибудь подгадят?

— Во-первых, прелесть моя: мне очевидно, что вмешательство ограниченное, точечное и после тысяч лет изгнания, а значит, что большой силы тут, возможно и нет. — сказал монарх, взяв фаворитку за подбородок, — Во-вторых: я не могу упустить малейшую возможность прикончить зарвавшийся культ, нарушивший сейчас восемнадцать законов о культах из существующих двадцати одного, одобренных этими самыми богами. И в-третьих... — последние слова он, буквально прорал ей в лицо, — **они посмели устроить это в прямо в моей Столице!**

Снаружи древний храм выглядел, как обычно, если не заходить за границу незримого барьера, что окружала его по кругу, немного далее храмовой ограды.

Наврин сидел на тротуаре перед воротами храмового сада и ждал неприятностей. Он никогда не любил быть заметным, даже в своём славном прошлом, за что, помимо официального титула “Мечник”, получил прозвище “Наврин Скромный”. Поэтому,

немногочисленные прохожие видели лишь нищего старика. Подойдя ближе, если бы у них хватало внимания бросить на него второй взгляд, они бы заметили, что нищий опирается вовсе не на палку, а на меч в ножнах, покрытых сухой и полопавшейся кожей и давно утративших, некогда украшавший их, серебряный набор, проданный сотни лет назад ради возможности неделю сыто поесть. Но второго взгляда не бросал никто: сейчас Наврин умел быть незаметным, как никогда. Он не стал одевать ту жалкую броню, что нашлась в его саркофаге, некогда, как и его братьями, собственноручно выдолбленном из глыбы камня в ожидании смерти, которая так и не пришла. Единственное, что он хотел надеть ещё раз - свою старую котту, однако та расплзлась в труху, стоило ему взять её в руки. Поэтому он просто снял лишнюю одежду, в которую любой нищий и бродяга, обычно, закутаны, как луковица, во множество слоёв.

В какой-то момент прохожие пропали совсем. А потом послышался слаженный топот десятков ног и звон доспешных пластин.

Гвардейцы-малефикары были, в некотором роде, побочным продуктом программы по созданию Далнаанов, давшей способ изготовления искусственных демонов, которых затем вселяли в кадавров, сделанных из умерщвлённых для этой цели, рабов. Подобные воины не знали сомнений, усталости, боли и страха, мгновенно регенерировали, питались мясом убитых для восполнения сил и были очень умелыми противниками. Они использовались Империей для карательных операций в труднодоступных районах мира, куда могли быть легко переправлены телепортацией, вместе с управляющим ими магом. Всего полусотни таких хватало, чтобы вырезать население небольшого города горцев или привести к покорности какое-нибудь бунтующее племя. Во время же простоя, их можно было просто заморозить, чтобы они не изнашивали свои тела. Если кадавр, всё же, получал невозполнимые увечья или изнашивался, то демон просто покидал тело со всем накопленным опытом битв и перемещался магом в нового кадавра.

Все четыре улицы, выходящие на небольшую храмовую площадь, диаметром в пару сотен шагов, вскоре были заблокированы рядами закованных в сталь неподвижных и молчаливых воинов и снова наступила тишина. Не звучало команд, не звенели доспехи переминающихся с ноги на ногу.

Глаза же Наврина не видели ни богатой брони, ни императорских гербов, ни штандартов с отметками сотен сражений, чьи древки были закреплены на спинах десятников. Он видел только войско одержимой нежити.

Свой прямой профиль работы.

Когда к храму начали прибывать первые маги, битва уже кипела вовсю. Серо-коричневая фигура металась среди, рассыпанного для атаки одиночного противника, строя и, казалось, забирала по жизни раз в пару секунд. Зачарованные же клинки гвардии с алыми полосами на гранях, рассекали лишь воздух. А древняя сталь паладинского меча то рубила, то колола, а то и разрезала, во взмахе, горла, пройдя, как сквозь масло, через латные воротники. Большая часть таких ран не считались

серьёзными для подобных существ, однако, малефикары падали один за другим и через сочленения их доспехов вырывались языки белого пламени, пожирающего и тела, и демонических обитателей.

Маг-оператор отчаянно тряс управляющим посохом, и перебирал управляющие заклятья, но демоны не возвращались в алый кристалл на его наверху, поскольку, некому было возвращаться. Заметив прибытие боевой группы во главе с самим Архимагом-Императором, он бросился к сенешалю.

— Он полностью уничтожает их! Что мне делать?! — в панике воскликнул он.

— Сбей их в строй и прижми его к ограде. — приказал за сенешаля император и повернувшись к сенешалю добавил, — Пусть группа готовится пассивизировать его.

Малефикары внезапно сплотили ряды, оставив тактику рассыпанного строя, позволявшего им свободно орудовать мечами и стали наступать на Наврина, перешагивая груды оплавленных доспехов, некогда бывших их товарищами. Наврин усмехнулся и несколькими длинными шагами оказался у храмовой ограды. Набравшие хороший темп малефикары не затормозили у незримой границы, отделявшей остальной мир от сферического санктума. Но за этой границей было пространство, где отрицалось само существование подобной мерзости.

Наврин стоял, расслабленно оперевшись спиной на кованые прутья ограды, глядя, как нежить, ступая в пределы сферы, за немногие мгновения превращается в пепел.

Пятеро магистров, приготовивших пассивизирующие заклятия и ещё не понявшие, что происходит, применили свою силу против цели, стоявшей за одной из мощнейших защит в мире. Обратный поток попросту испепелил их, заставив в ужасе отпрянуть их товарищей. Маг-оператор малефикаров и без того, бывший на взводе, уронил управляющий посох и, когда он наконец, понукаемый криками сенешаля поднял его, с малефикарами было уже почти покончено, так как получив приказ переть вперёд, они его старательно выполняли, линия за линией сгорая, как мотыльки в лампе. Оставшиеся полтора десятка отступили и заняли позицию между храмовой площадью и самой большой улицей, выходящей на неё, на которой находились маги.

— Какие будут приказы, мой император? - спросил сенешаль. На его, обычно, невозмутимом лице проступала неврозность.

У монарха не было ответа. Сейчас он видел, что зря он, в общем-то затеял эту заваруху. Он прикинул, каковы шансы того, что у них получится задержать и наказать преступников, брось они сейчас храм и сосредоточься на поимке тех, кто двигался к храму. Выводы получались неутешительными: любой гвардеец-малефикар, будучи умелым воителем и снабжённый своим творцами весьма сильной магической защитой, представлял из себя грозную проблему даже для могучего мага, а тот, кто стоял, лениво положив руки на перекрестие гарды ржавого недоразумения, играючи зарубил десятки малефикаров. В той же группе, таких было трое, не считая того существа, что в одиночку уничтожило одну из Башен. Самую слабую, конечно, но даже Архимаг-Император не рискнул бы пойти на такое без поддержки пары десятков старших магистров. И сейчас, он нехотя благодарил судьбу за то, что сияние сферы храма скрыло от наблюдателей магической обсерватории метку этого... этого... Кем бы ни была эта сутулая и щуплая

фигура в нищенских обносках и деревянных сандалиях, столь легко делающая то, что доступно лишь небольшой армии. Да, теперь можно было избежать ещё больших ошибок, отступить во дворец, утереть с лица плевок богов и жить дальше с мыслью, что тебя, в твоей же империи, в твоей же столице, поставили на место. Эта злая мысль не давала Толвасору просто так уйти. Будь он просто главой одной из Башен, он решил бы, что продление собственного существования хотя бы на пару минут, стоит любых унижений от жизни, но, увы, в Далнаанов, как в олицетворение прогресса, была заложена излишняя смелость и жажда идти до конца в любом деле.

Когда Наврин решил, что бездействовал достаточно и, картинно подхватив клинок, мягким шагом пошёл в сторону магов и оставшихся малефикаров, Толвасор, отбросив все опасения выкрикнул: “Уничтожить его! Снимаю все ограничения на неконвенционные заклинания!”.

Наврину было всё равно, что то были за заклинания и на каких конвенциях их запретили: ничего из этого на него применить не успели. Легко пройдя строй малефикаров и сразив тех, что были ближе всего, он набросился на ближайшую группу из трёх магов, представлявших наибольшую угрозу и готовящих какой-то групповой удар. Какое бы грозное заклятие не предвещало багровое свечение вокруг их рук, оно бессильно угасло, когда внезапно появившийся среди них мечник, парой взмахов лишил их жизнью. Наврин снова начал свой беспорядочно мечущийся танец смерти, однако, многие его удары приходились в, ещё колеблющийся, воздух, где только что находился испуганный маг, ведь, узрев ошеломительно быструю смерть своих коллег и стремительно приближающуюся фигуру в лохмотьях, каждый из магов предпочитал прервать заклятье и сделать то, что они почитали разумным — мгновенно телепортироваться подальше отсюда. Чаще всего, мгновенный телепорт был привязан к личным покоям, так что маги отправлялись в безопасность Императорской Башни. В итоге, Наврин с лёгким сожалением констатировал для себя, что, кроме первой группы и тех что изжарили сами себя об защиту храма, он смог сразить только троих, наименее расторопных носителей багровых мантий. Ему не особо-то хотелось проливать чью-то кровь этим солнечным днём и изгнание врага с поля боя казалось ему хорошей альтернативой, ведь у него была простая задача: проследить, чтобы ко времени возвращения архижреца и его братьев, у храма было всё спокойно. И задача была выполнена.

И если одна сторона этой битвы была безмятежна, то Толвасора душил просто непередаваемый гнев. Гнев на некстати вернувшихся богинь, решивших устроить беспорядки, гнев на странного мечника в нищенском одеянии, но больше всего, неизмеримо больше — на тех, кто бросил его одного. Даже если бы половина погибла, другая смогла бы нанести удары по этому оборванцу с ржавой железякой, но они предпочли просто бежать. И, что хуже того, Толвасор понимал, что его гнев бесполезен, ведь он прекрасно знал, что маги поступают так всегда. Пусть он был лучшим из магов во всём, пусть он, теоретически, знал, как поступают маги, когда выбор стоит между безопасностью и риском для жизни, только сейчас реальность стала для него, до обидного, очевидна. Всякий правящий Далнаан однажды теряет свой идеализм, когда сталкивается с реальным воплощением этих идеалов в жизнь: свободные и сверхценные личности ценят только себя и сверхценный государь, полагающий, что, всё же, должен

стоять где-то выше в этой системе каждого своего поданного, придумал свою ценность сам.

Даже верная, любимая Луинесс и не попыталась что-то сделать, а просто исчезла, когда проклятый мечник метнулся к ним. Толвасор был довольно ловок и успел отпрянуть, когда ржавое лезвие, не встретив плоти магессы, просвистело мимо императора, едва не отделив его верхнюю половину туловища от нижней. Отпрыгнув и восстановив равновесие, он выхватил из ножен драгоценный меч из звёздной стали и приготовился к дуэли, где, на свой взгляд, имел неплохие шансы, ведь он был и Первым Мечом империи. Однако, к удивлению монарха, мечник в лохмотьях лишь одарил его насмешливым взглядом и напал на шестерых оставшихся малефикаров. Толвасор решил не упускать такой шанс: он успел сотворить мощное уничтожающее заклятье на негативной энергии, которое выстрелило потоком всепожирающего тёмного пламени из императорской длани и ударило в спину нищего с мечом. Взрыв негативной энергии просто перетёр в ничто сражавшихся с мечником малефикаров, а энтропийный поток превратил уже лежавшие на мостовой тела и даже саму каменную мостовую в тонкую пыль, которой они должны были стать спустя миллиарды лет.

А мечник, окутанный белым сиянием, опустив меч, стоял по колено в белой пыли, с таким обиженным видом, будто был актёром, которого прервали посреди театрального действия недоброжелательные выкрики с галёрки.

Белое сияние расширилось и разделилось, превратившись в подобие четырёх белых крыл, побледневших и растворившихся в воздухе. Наврин, неодобрительно и печально покачав головой, пошёл на Толвасора, поднимая ногами лёгкую пыль. Он знал, кто перед ним, просто сопоставив лик на последней новенькой монете, что получил от жреца и бросающиеся в глаза мутации, вроде шевелюры, ушей и нечеловечески яркого цвета янтарных глаз. Паладин родился, когда империей правил уже третий Далнаан и сразу опознал такого же гомункула.

Ошеломлённый тем, что одно из самых могучих из неконвенционных заклятий не принесло никакого видимого вреда Наврину и понимая, что времени на вторую попытку ему никто не даст, Толвасор просто поднял меч и встал в стойку.

Дуэль не продлилась долго. Не желая дать императору шанс сотворить ещё одно заклинание, Наврин поднырнул под довольно мастерский выпад мечом и указательным пальцем правой руки коснулся лба Толвасора.

— **ОТРЕЧЁН.** — произнёс он, закрепляя Печать.

Всегда ощущавший течение магических потоков вокруг себя, Толвасор был просто оглушен вдруг исчезнувшим целым видом чувств, как будто бы обычный человек, например, вдруг лишился бы осязания или слуха. Но, всё же, парировав один выпад Наврина скользящим плоскость о плоскость мечом, он изящно перевёл это в контратаку. Удар, который должен был раскрыть голову в капюшоне, вдруг встретил мгновенно подставленный меч лезвие на лезвие. Добытая из крови павших Титанов на древних полях битвы в далёких и неведомых планах бытия, многократно зачарованная в процессе изготовления, звёздная сталь, выкованная в пламени вулкана поработённым элементом, превышающая вязкостью мифрил и твёрдостью адамантий, встретила изъеденное трехтысячелетней ржавчиной, практически тупое лезвие меча, некогда

откованного деревенским кузнецом из обыкновенной тигельной стали для мелкопоместного барона — прадеда Наврина... И была разрублена.

Отброшенный унижительным пинком на землю, Толвасор тупо смотрел на обломок меча в своей руке. Наконец, он поднял глаза на Наврина, вкладывающего в ножны древний меч, которым иной крестьянин побрезговал бы даже ворошить угли в очаге. — Уходишь, не завершив дела? — почти с вызовом сказал он, ощущая, как к горлу подкатывают дурацкие слёзы, будто бы ему семь лет и его раскатал в драке его одногодка.

— ТЫ УЖЕ ПОБЕЖДЁН. ЧТО ТОЛКУ МНЕ В ТВОЕЙ СМЕРТИ? ВСЕРЬЁЗ СРАЖАТЬСЯ МОЖНО ЛИШЬ С КЕМ-ТО, А ТЫ — НИКТО.

Толвасор поморщился от силы этого голоса. И вовсе не от громкости: старик говорил довольно негромко, но ощущение внутри было таким, будто Толвасор стоял возле огромного колокола, в который били со всей возможной силой.

— Я Архимаг-Император! Я владыка... — начал злой и оскорблённый император, но его прервал громогласный хохот.

Смех Наврина, по своему воздействию на собеседника, был ничуть не лучше его голоса, но Наврин хохотал искренне и от всей души.

— ХА-ХА-ХА-ХА! Я СОМНЕВАЮСЬ... ХА-ХА-ХА! Я СОМНЕВАЮСЬ, ЧТО ТЫ ИМПЕРАТОР, ХОТЯ БЫ, СОБСТВЕННЫХ ШТАНОВ! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! — старик отсмеялся, отдышался и продолжил, успокоившись, **— ЧТО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО ТЫ ЧЕЙ-ТО ТАМ ВЛАДЫКА, КРОМЕ ПРОФИЛЯ НА МОНЕТАХ? ЧТО ОХРАНЯЕТ ТВОЮ ВЛАСТЬ? ВЛАСТИТЕЛЯ ОПРЕДЕЛЯЮТ ТЕ, КТО ВЕРЕН ЕМУ. НО КТО ЖЕ ВЕРЕН ТЕБЕ? КТО ЛЮБИТ ТЕБЯ? БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ НАРОД, РАЗВРАЩЁННЫЙ МАГИЕЙ ЗА ДВА СРЕБРЕНИКА — ВЕДРО? ОДЕРЖИМЫЕ МЕРТВЕЦЫ, ВЕДОМЫЕ МАГИЕЙ? ИЛИ ТЕ, КТО ТОЛЬКО ЧТО УМЕР С МЫСЛЬЮ “КАКОЙ ЖЕ Я НЕРАСТОРОПНЫЙ ДУРАК”? Я ВСТРЕЧАЛ РАЗБОЙНИЧЬИХ АТАМАНОВ И ДИКАРСКИХ ВОЖДЕЙ С ГОР, КОТОРЫМ БЫ БОЛЕЕ ПОДОШЁЛ ЭПИТЕТ ВЛАСТИТЕЛЯ, ПОТОМУ ЧТО С НИМИ БЫЛИ ТЕ, КТО ШЁЛ ЗА НИМИ ДО КОНЦА ИЗ ВЕРНОСТИ КЛЯТВЕ, ДРУЖБЕ ИЛИ ИСКРЕННЕЙ ЛЮБВИ. А ПЕРЕДО МНОЙ ЛЕЖИТ СУЩЕСТВО ИЗ ПРОБИРКИ, НЕ ЗНАВШЕЕ НИ ОТЦА, НИ МАТЕРИ, ВОПЛОЩЁННАЯ ФУНКЦИЯ, ПОДНЯТАЯ, КАК ЗНАМЯ СВОИМИ ТВОРЦАМИ. И ТЫ СМЕЕШЬ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ТЫ ЧЕМ-ТО ВЛАДЕЕШЬ И КЕМ-ТО ЯВЛЯЕШЬСЯ? ТЫ — НИКТО И НИКОГДА НЕ БЫЛ КЕМ-ТО, КРОМЕ КАК ДЕКЛАРАЦИЕЙ О ПРИВИЛЕГИЯХ СЕБЯЛЮБИВОЙ ЧАРОДЕЙСКОЙ БРАТИИ, КОТОРУЮ МОЖНО БЫЛО ПРОСТО НАЧЕРТАТЬ НА ПЕРГАМЕНТЕ И ПОВЕСИТЬ НА ВИДНОМ МЕСТЕ.**

Старик отвернулся и посмотрел на храм. Жрец и его братья, в сопровождении пони, входили в калитку храмовой ограды. Люди остались стоять перед воротами храма, из которых бил яркий неземной свет, куда вошли девять пони. Спустя секунды ворота медленно закрылись и свет в узких витражных окнах погас тоже.

— **ВОТ И ВСЁ, “ИМПЕРАТОР”,** — сказал Наврин, обернувшись к Толвасору с усталой улыбкой, — **СТУПАЙ ПРАВИТЬ СВОИМ НИЧЕМ ДАЛЬШЕ. И ДА Осветят твой путь**

Небесные Сёстры.

Голос старика внезапно ослабел и упал почти до шёпота. Он обессиленно опустился на колени, опираясь на меч в ножнах. Толвасор зачарованно смотрел, как с черепа древнего паладина стремительно облезает плоть, сворачиваясь, точно горящая бумага, как даже кости трескаются, осыпаются, превращаясь в пыль. Спустя всего несколько секунд, древний меч упал на пыльный ворох нищеских тряпок.

И тут, внезапно, послышался оглушительный треск камня, отвлекший монарха: на его глазах один из древнейших храмов города, вместе с садом и кладбищем, превратившийся в поток несущихся по склону камней и земли, обвалился в текущую внизу реку, подняв огромную тучу пыли и оставив от себя идеально полукруглый обрыв.

В арсенале паладинов не так много приёмов, обращающихся к божественной силе покровителя, но Печати — пожалуй, сильнейшие из них, хоть и не всегда наносят прямой вред. Печать Отречения, к примеру, лишала любого чародея связей с магией, но реально воспользоваться ей в бою удавалось немногим, ведь это было средство обезвреживания уже побеждённого противника, а не мечущего свои заклятия: готовый к бою маг, как правило, подойти на расстояние вытянутой руки к себе не даст. Толвасор вспомнил, что читал об этом, пока плёлся пешком из Старого Города к своей Башне. Печать спала, примерно, через пять минут, когда император, удовлетворив своё любопытство и постояв над обрывом, отправился в пеший путь к доминирующим над городом Башням, однако он не спешил пользоваться телепортацией. Он шёл по улицам, бессмысленно сжимая ножны древнего паладинского меча и, пожалуй, впервые по-настоящему смотрел на то, что всегда считал своим: на дома, на испуганно шарахающихся от него горожан и стражей, на дворцовый комплекс впереди. И впервые, он чувствовал себя пришлым чужаком, которому не принадлежит ничего, кроме его штанов. Внутри него плескался гнев, постепенно перерастающий в решимость.

“Он вернулся! Император вернулся!” — новость быстро разносилась по всему дворцу и вырастающей из него Башне. Когда Печать коснулась лба императора, он пропал с натальной карты города, как будто бы его настигла смерть. Наблюдавшие за битвой обсерверы успели доложить Совету Башен, что Архимаг-Император погиб, так что, его возвращение наделало немало шума. Толвасор, однако, и не подумал собирать сбегавшую боевую группу для того, чтобы выплеснуть на них своё недовольство, а просто проследовал в свой кабинет, отмахиваясь от расспросов и заперся там.

Сенешаль уже десять минут бессмысленно мерил шагами коридор перед запертой дверью императорского кабинета, когда к нему подошла Луинесс.
— Он и вправду жив?! — набросилась она на пожилого мага — Вы видели его, Кестос?!
— Видел-видел, — проговорил маг, вежливо отрывая руки Старшего Магистра от воротника своей мантии, — Но, он сильно не в духе да и его внешний вид... Сами увидите,

впрочем, если он вас впустит. Меня, к примеру, он послал проведать все круги Преисподней.

Женщина обошла мага и постучала в дверь, покрытую резными изображениями бабочек и драконов. Под пальцами она чувствовала, тонкий слой эфира: дверь была заперта не только на замок, но и на могучее заклятие.

— Убирайся, лысый ублюдок! — раздался из-за двери раздражённый голос, несомненно принадлежавший Толвасору.

Луинесс красноречиво посмотрела на сенешаля и тот, пожав плечами, отправился прочь.

— Это я — Луинесс, открой, пожалуйста. — как можно более спокойным тоном произнесла она.

За дверью воцарилась тишина. Спустя несколько томительных секунд, она уже собралась постучать снова, но тут почти невидимое сияние эфира в углублениях резьбы пропало и щёлкнул замок.

Луинесс вошла и тут же ахнула, увидев Толвасора. Дверь за её спиной захлопнулась и на внутренней стороне засветилась запирающая печать.

Архимаг-Император, обнажённый по пояс, сидел за столом и, устало оперев голову на руку, смотрел в старинную книгу. На столе за книгой лежал древний ржавый меч. Луинесс медленно приблизилась и осторожно погладила одно из огромных синих крыл, которые теперь украшали спину Толвасора.

— Откуда они у тебя? — ошеломлённо прошептала она.

— Сами отросли, когда спала Печать паладина. Видимо, Магия, восстановив свой статус в отношении меня, решила, что так должно быть.

Наконец, оторвавшись от перебирания синих перьев, между которыми мелькали эфирные разряды, свидетельствующие, что крылья были не простым украшением, старший магистр, наконец, спросила.

— Так чем всё закончилось там, у храма?

— Храма больше нет. — после затянувшейся паузы ответил Толвасор похолодевшим голосом, от которого к Луинесс снова вернулась нерешительность.

Она бросила взгляд на изржавленный кусок железа, лежавший на столе и узнала в нём оружие того загадочного нищего, едва не оборвавшее её жизнь.

— Это его меч? Значит ты победил? — спросила она.

— А почему ты не знаешь, кто победил? — Толвасор, наконец-то посмотрел ей в глаза и Луинесс отпрянула от него: такой злостью пылал этот взгляд.

Толвасор поднялся со стула и пошёл на отступающую спиной женщину.

— Почему никто не видел победителя? — он говорил тихо, но сквозь этот тихий голос проступала ярость, клокотавшая в груди крылатого человека, — Почему я пришёл домой в одиночестве?

Луинесс уперлась спиной в стеллаж с книгами. Она, в общем-то могла попробовать побороться за свою жизнь, но, привыкнув считать Толвасора надёжнейшим союзником, она только сейчас осознала, что, как боец и маг, она, в общем-то, не ровня существу, созданному быть лучшим во всём. Сбежать из запечатанного кабинета тоже не выйдет, а потому, оказавшись беспомощной перед гневом любовника, её единственной надеждой

оставалось как-нибудь утихомирить его.

— У меня... не было... выбора... — прохрипела она, когда тонкая, с изящными пальцами, но неожиданно сильная рука Толвасора схватила её за горло и приподняла над полом, прижимая к книжным полкам

— Почему вы бросили своего государя на поле битвы, как маркитантскую телегу и сбежали, поджав хвосты?

— Он... бы... убил... я... инстин...ктивно...

Когда в глазах Луинесс уже начало темнеть, хватка вдруг ослабла и она рухнула на пол.

— Знаешь, в древние времена, тех, кто бросил своего государя и бежал, когда государю грозила опасность, предавали суду и казнили. — Толвасор, присел над кашляющей женщиной и положил руку ей на шею.

Вопреки опасениям Луинесс, он применил исцеляющую магию и боль в почти сломанной гортани вдруг исчезла, позволив нормально дышать.

— Это варварство давно избыто! — Луинесс сама испугалась собственного вскрика из только что исцелённого горла.

Толвасор, по-своему обессиленный своей жестокой вспышкой ярости, сел на пол рядом с Луинесс и сгрёб её в объятия. Ему сейчас, как никогда, требовалось чьё-то живое тепло и кто-то, кто может выслушать. По сути, в его жизни не было существа ближе этой магессы, которая была его куратором ещё во время обучения. Она сама выбрала его среди восьми других Далнаанов и постаралась сделать его лучше других. Даже его имя они выбирали с ней вдвоём. Когда же он стал Архимагом и главой Башни, он возвысил её до Старшего Магистра. Она была старше его на двадцать два года, но это не имело большого значения среди магов, где все пользовались омолаживающей магией. В окружении общества, где не любили, а скорее, ценили, Толвасор, пожалуй, любил свою фаворитку и бывшую учительницу.

— Да, возможно, это и варварство. Но наказание следовало за предательством, ведь тогда государям приносили клятву верности. — он вздохнул и погладил чёрные, как смоль, волосы Луинесс — Сегодня же, я понял, что мне никто не верен. Дело даже не в том, что никто и никогда не приносил мне клятв верности и ты — в том числе. У меня нет никаких прав на тебя и на то, что я сделал. Прости меня.

— Это было жестоко... — начала она

— Дело в том, — продолжил он свою мысль, — что я не знаю, кто я и почему кто-то вообще должен приносить мне клятву верности. За что восстала моя гордость, погнавшая меня на улицу, драться с ангелами? Чем я могу гордиться и почему я счёл, что этот город мой? Я отправился защищать то, чего нет. Этот город плевать на меня хотел, он мне не принадлежит. Я видел это в лицах горожан, пока шёл во дворец. На меня смотрели, как на неуместную диковину, некстати сошедшую с монетного профиля. А остальная империя, живущая в тени Башен — кто я для неё? Кто я для всех этих почтенных чародеев, которые, дай им волю, при малейшем перевесе сил, вцепились бы друг другу в глотку. Я и моя Башня — всего лишь арбитр между профессиональными интриганам и убийцами. Наврин был прав. Я никто. Меня можно заменить листом пергамента со всеми этими идеалами и повесить на видное место.

— Кто такой это Наврин? — тихо спросила Луинесс, давно ждавшая подобного разговора.

— Тот, кто был там, на площади перед храмом, тот, кто играючи убивал малефикаров и магов, тот, кто позорно лишил меня сил, разрубил ржавой тупой железякой звёздную сталь и поверг меня. Я узнал его имя, прочитав имя меча на лезвии. Оно всё ещё читаемо, а у меня оказалась книга про знаменитое оружие. Он, действительно был паладином Небесных Сестёр. Не знаю, чем он стал, но, если верить книге, он и раньше разрубал неразрубаемое. “Одной лишь верой”, представляешь? Дурацкое, варварское понятие из давно минувших времён, оно, почему-то, работало и сегодня.

— Он победил тебя? А я думала... — удивилась Луинесс.

— Раз у меня его меч, то я справился? Нет. Я пришёл сюда проигравший и опозоренный. То, что никто этого не видел и не знает, ещё не значит, что нет поражения и позора. Вообрази себе: он побрезговал меня убивать. Он умер сам, сделав до конца своё дело, оставив мне меч и то, что мне не смыть никогда.

— Что ты теперь будешь делать?

— Я хочу быть императором, а не казаться им. — сказал роковую фразу Толвасор.

“Ну вот, — подумала магистр, — сейчас мой долг куратора переубедить его или доложить Совету Башен, что Архимага-Императора нужно менять досрочно. Будь проклят сегодняшний день, будь прокляты придурки из Цепей, будь прокляты вернувшиеся боги, будь прокляты эти трусы, будь проклята я, взявшая на себя ответственность за этого мальчика и провалившая всё, что только можно”.

Она прижалась ещё сильнее к Толвасору, вдыхая нравившийся ей и странный, для обычного человека, запах его пота.

— Башни не дадут тебе. Тебя просто сместят и убьют, а генетический набор сочтут неудачным. — сказала она, то, что Толвасор и так понимал. Он выпустил её из объятий и поднялся на ноги, начав измерять комнату шагами. Луинесс узнала этот взгляд и выражение лица: так он выглядел всегда, когда открывал какую-либо незнакомую для себя область бытия и собирался, как следует её распотрошить и изучить.

— Поэтому я начну не с Башен. Ха! Пусть сидят себе и варятся дальше в своём котле! Я хочу начать с общества, на которое Башням плевать! Я запрещу дешёвую магию: пусть маги низших рангов зарабатывают только целительством! Я отменю рабство и заставлю всех честно работать! Хотя, нет, я разрешу держать в рабстве только военнопленных! Народ сочтёт меня тираном, но так они, хотя бы, заметят меня! Я заставлю рабов на полях работать на самих себя, пусть работают за плату на хозяина, который потихоньку станет знатным! Я возрожу ленд-лордов, дворянство и рыцарство, которое будет верно только государю — гаранту своих прав и привелегий! Пусть те, кто работает рука об руку, вырабатывают заново правила и строят на них мораль, а те, кто служит плечом к плечу вырабатывают кодекс чести и верность! Пусть войдут в моду идеализированные повести о древних временах богов, рыцарей и справедливых королей! А когда у меня будут верные мне люди, я смогу по-настоящему назвать себя Императором! Когда найдутся те, кто поверит в меня, тогда я смогу нанести удар Башням! — Толвасор схватил со стола древний меч и направил его на Луинесс. — Потому что вера может разрубить всё!

Он отпустил рукоять меча и тот повис в воздухе. Император тихо прошептал слова заклинания и ржавое железо стало преображаться, как будто время, вдруг стремительно

потекло для него вспять. Спустя всего несколько секунд, он снова стал таким, каким был в дни своей славы.

— Ты знаешь, что мой долг сейчас пойти сейчас в Совет Башен и рассказать им о твоих планах? — пару раз глубоко вдохнув и успокоив нервы, проговорила магесса.

— Знаю, — улыбнулся император, — знаю, моя прелесть. Я знаю всё, что будет. — сказал Толвасор, аккуратно положив меч на стол и снова повернувшись к фаворитке, — Ты расскажешь Совету, что я испортился и меня надо заменить. И меня заменят. У империи будет новый Император, у этой башни будет новый Архимаг с новым куратором. А ты, милая, останешься не у дел. Но ведь звание Старшего Магистра — это всё, чего ты желала от жизни, не так ли?

Он притянул женщину к себе, взяв за подбородок.

— Да, Луинесс? — спросил он, глядя в её глаза.

— Нет. Это не составляет все мои желания и амбиции. — честно призналась магесса.

— Помимо всего прочего, потому, что бывшую фаворитку быстро скинут с этого места. — пронизательно заметил монарх.

Её губы дёрнулись и она печально произнесла.

— Да, я очень неосмотрительно связала свою жизнь с тобой, малыш.

— Это с какой стороны посмотреть, милая. Если победа будет за мной, то ты станешь императрицей. И, раз уж сегодня день возрождения древностей, то я **клянусь** тебе в этом.

Зимний вечер в Кэнтерлоте дарил городу густой снегопад. В такое время уютнее всего сидится дома, у тёплого камина, за чашкой горячего чая или грога, в кругу близких или в компании книги.

Принцесса Селестия всегда любила именно это время, когда она может расслабиться после долгого и напряжённого дня, наполненного бесконечными государственными делами и послушать бодрое щебетание только что проснувшейся сестры, а уж зима и снег за окном делали эти покои, чай и пламя камина, ещё более ценными и уютными. Она, конечно ценила и те три часа раннего утра, что так же проводила с сестрой, пока царства Ночи и Дня не разлучали их, но утро сулило ей заботы, а вечер — желанный отдых, поэтому вечера она любила больше.

Однако, в этот вечер разговор не клеился. Повелительница ночи, лёжа на тахте, хмуро смотрела на снежинки за окном, стараясь не встречаться взглядом с сестрой и без всякого аппетита жевала сандвич с цветами. Она уносилась мыслями далеко отсюда и не замечала вкуса еды.

Конечно, то, что девочек удалось вернуть и даже стереть им память о пережитом кошмаре, было просто замечательно. Теперь они считали, что просто приехали в Кэнтерлот на поезде ко Дню Тёплого Очага и хорошенько выспались перед представлением. Благо, время ничего не значит при переносе из одного мира в иной и все пропавшие пони вернулись домой в тот же день, когда Твайлайт осуществила свой

неудавшийся перенос. Судьбы этих, важных для всей Эквестрии, пони снова были вне опасности. Но судьба тех, кто помог их спасти, принцессам была неведома. Они были со старым жрецом и паладинами, откуда могли давать им свою силу, но, после переноса девочек, тонкий канал, связывавший храм со своей миниатюрной проекцией, не выдержал и оборвался, маленький хрустальный шарик с миниатюрой стал пылью, а люди... Их судьба осталась тайной.

И эта неизвестность была мукой. Луна сконцентрировала внимание на том, что ела и раздражённо бросила сэндвич на тарелку.

— Это ничего не решит. — печально сказала Селестия и, вздохнув, поднялась с своего места.

— Что не решит? — буркнула Луна, не отрывая глаз от оконного проёма.

Селестия подошла к ней и ткнула носом в шею сестре.

— Твои страдания. Ведь есть надежда и она — куда более продуктивное чувство. — тихо сказала она. — Верь в лучший исход.

— Тия, — Луна невольно выгнула шею, избегая щекотки и наконец-то обернулась к сестре, — тот мир дыряв, как решето и опасен для мёртвых. Даже сильной душе в нём не обойтись без помощи. А они...

— Я знаю, Лу. — владычица утра присела рядом с тахтой и положила голову на передние ноги сестре. — И всё же, надежда лучше.

В этот момент, где-то далеко внизу под башнями Кэнтерлота, в замёрзшем озере, голова синего окуня, два дня, как откушенная щукой от остального тела, открыла глаза и рот. Бессмысленно поворачивая глазами, она снова замерла, как и полагается мёртвым останкам. Где-то чуть выше на холме, переходящем в подножие замковой горы, в норе зашевелилась, недавно издохшая от старости, голода и мороза, мышь. Она прошлась по тоннелю своими окоченевшими лапами, раскопала снег, выбралась под кружащийся снегопад и снова упала замертво. Мир пони был крепко заперт и надёжно укрыт, но нечто упорное искало к нему задние двери и потайные ходы. Мёртвые насекомые перебирали лапками и вращали усиками, мёртвые животные шевелились в земле и снегу, мертвые растения поднимали сгнившие и смёрзшиеся стебли сквозь снег, будто некто или нечто смотрело через них на мир, как через ключную скважину замка и подбирало отмычки ведомые ему одному. И вот, в тени снежинок, в великом водовороте снегопада стала вырисовываться большая и крылатая тень.

Принцессы почували пришельца поздно. В комнате внезапно и сильно похолодало, погасли светильники, а пламя камина вдруг упало и спряталось в угли. Селестия и Луна успели приготовиться к битве, вскочив и направив рога в сторону самой густой тени, что шевелилась между стеной и, неведомо когда, открытым окном.

— Боевитые, как и всегда. — издала тихий и, довольно приятный баритон темнота. — Даже не смотря на этот внешний вид. Довольно милая инкарнация, девочки, как по мне.

Селестия и Луна переглянулись и обе зажгли магией светильники, отчего те, на мгновение вспыхнули слишком ярко, высветив всю комнату, однако угол был пуст.

За их спинами что-то тихо застучало по поверхности чайного столика. Принцессы

развернулись, чтобы увидеть, как на столе здоровенный чёрный ворон деловито уплетает остатки сэндвича.

— Признаться, я скучал по вам. Отчего же вы не навестили меня, а ушли так же внезапно, как и пришли? — сказала чёрная птица, заглатывая кусок хлеба. По всей видимости ей вовсе не требовалось пользоваться занятым едой клювом, чтобы вести беседу.

— Сетал! — воскликнули сёстры одновременно и едва не заключили пернатого гостя в объятия.

— Что ты здесь делаешь?! Как ты сюда попал?! Хочешь чай или кексики?!

Проводник Мёртвых, ловко избежавший прилива нежности принцесс, вспорхнув на люстру, неловко похлопал крыльями, восстанавливая равновесие на качающемся насесте и смущённо проговорил:

— Ну-ну, обойдёмся без этого, у нас мало времени. — он спланировал на спинку тахты и нахохлился, приняв неприступный вид, — Признаться, когда вы вдруг вернулись в свой храм, я, на какое-то мгновение обрёл надежду, что вы вернулись навсегда, хотя, для этого и не было причин. Воитель и Жирдяй — скучная компания, а мы с вами, вроде как, всегда хорошо ладили. Неужели те, за кем вы пришли, стоили вторжения и боли в моём старом сердце?

— Прости, старина, они, действительно были важны. — ответила Селестия, а Луна рядом с ней только кивнула.

— Ладно. Я, хотя бы, повеселился, наблюдая за бардаком, который устроили ваши одержимые. Я давно положил на них глаз, разглядев ниточку твоей силы, Вэруна, полагая, что это знак того, что ты с сестрой когда-нибудь вернёшься. Однако, вы сами знаете, что я всегда и я везде, но не потрудились войти во вневременье, чтобы наша встреча могла состояться там.

— Мы не могли находиться в храме полностью и вневременье, увы, было недоступно нам.

— ответила Луна. — Но полно об этом. Ты сейчас здесь, с нами, а потому, молю тебя, скажи... — её голос дрогнул.

— Что с вашими одержимыми? — закончил за неё Сетал, склонив голову набок и увидев кивок, ответил, — О, от них почти ничего не осталось. — он сделал паузу, но увидев выражение на мордочке Луны, поспешил продолжить, — Но я очень постарался. Как никогда, можно сказать. Собрал по кусочкам, снял отпечатки их душ с вещей, которые им принадлежали, с памяти храмовых камней, с пыльных страниц истории, со всех цепочек событий, началом которых они когда-либо становились или следствием которых были. Ведь, когда вы ушли, я увидел след, ведущий к вашему новому дому и твёрдо решил навестить вас. А в гости без даров не ходят.

С этими словами, он вытянул в стороны крылья, открыл клюв и, издал довольно отвратительный звук, с каким обычно, коты отрыгивают шерсть. На тахту один за другим упали пять маленьких хрустальных шариков, размером с мелкий виноград, казалось содержащие в себе маленькие звёзды.

— Не будь этот ваш новый мир подобен крепости, мне бы не пришлось таскать их в своём желудке или что там у меня в этом морфическом образе. Уж не обессудьте. — сказал он захлопнув клюв и склонив голову набок.

Радостно воскликнув, Луна подхватила шарики-души и поднесла их к глазам. Её душили слёзы радости и облегчения. Селестия приобняла её крылом и подняла глаза на ворона.

— Спасибо тебе, старый друг. Ты не представляешь, какую услугу нам оказал. — сказала она, прижимая к себе сестру и радуясь вместе с ней и за неё.

— Может и нет, может и да. Не важно. — Проводник Мёртвых прошёлся по спинке тахты и вытер клюв о её край. — Даже собранные по кусочку, они не смогли бы пройти по моим путям, а у вас тут так спокойно, хоть караваны душ води. Вы постарались или нашли это место таким?

— И так, и эдак. — с улыбкой ответила Луна, аккуратно ссыпая светящиеся бусины в чашку с остатками чая. — Может ты останешься, раз тебе так нравится здесь?

Проводник Мёртвых, вздохнув и нахохлившись, нехотя произнёс:

— Да, милое местечко, но у меня есть долг. У вас было на кого оставить небесные светила, а мои пути недоступны никому. Если я брошу мир на Жирдяя с Воителем, то без меня, действительно, всё покатится в жопу. — он встряхнулся и произнёс более бодрым, хотя, возможно, нарочито, голосом, — Да и сила моя сейчас велика, как никогда. Храмы работают, смертные верят. Я бы даже сказал, панически верят в меня. Они всё ещё боятся, что я уйду, как остальные и брошу их души всем ветрам и хищникам. Слишком уж дырявая дрянь — наш мир... Да и не нужен вам Проводник Мёртвых, сами знаете.

Богини склонили головы с знак согласия. Селестия открыла рот, чтобы сказать, что-то ещё, но Сетал вдруг подскочил на месте и замер.

— Мне пора, девочки. Как же быстро течёт время. Может, когда-нибудь... — последние слова он выкрикнул уже на лету, канув в снежном водовороте за окном.

Луна подбежала к окну и выкрикнула:

— Обязательно! — затем, постояв несколько секунд, она со вздохом захлопнула створку.

Селестия раздула потухшее пламя камина, взяла со столика чашку с душами, поставила её перед весело потрескивающим пламенем и прилегла рядом. Через пару секунд, рядом с ней прилегла сестра.

За окном снег покрывал мир.